Ц72 Д-70
Кр.63.3(2...)
Д-70

КУЛЬТУРНЫЯ СОКРОВИЩА РОССІИ

СУЗДАЛЬ.

КН-ИЗД. ПТВО
"ОБРАЗОВАНІЕ"
МОСКВА

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

Культурныя Сокровища Россіи.
ВЫПУСКЪ 14-й.

Милій Достоевскій.

СУЗДАЛЬ.

Подъ редакціей И. Н. Бороздина.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „Образованіе“ въ Москвѣ.

Кр. 63.3(2Р-4Вл)
Д-70

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Кр-3927
№0

Типографія Г. Р. Васильева, п/ф. «Ломоносовъ». Москва.

Страничка исторіи.

«Люби отчизны край и сердцемъ къ ней гори»;
«О славныхъ предкахъ ты съ восторгомъ говори».

О первоначальномъ основаніи Суздаля нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Можно сказать, что Суздаль принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи. Только сѣдой Кіевъ, золотыми главами своихъ храмовъ выплывающій изъ непроницаемаго тумана сѣдой старины, и немногіе города Россіи могутъ поспорить въ этомъ отношеніи со скромнымъ уѣзднымъ городкомъ Владимірской губерніи.

Дремучіе лѣса и глухія дебри, за которыми на зарѣ русской жизни лежала Суздальская область, послужили вѣроятно фономъ оригинальной легенды о началѣ, Суздаля, записанной лѣтописцемъ XVIII вѣка Ананіемъ Федоровымъ. Послѣ всемірнаго потопа и смѣшанія языковъ, говоритъ онъ, появились на свѣтѣ три брата изъ племени Іафетова: Санъ, Авесарханъ и премудрый Асанъ. Пришли они на землю русскую. Первые два построили много городовъ близъ Варяжскаго моря, въ томъ числѣ и Великій Новгородъ а третій братъ Асанъ отправился въ дикіе лѣса и топи, гдѣ основалъ городъ, по своему сужденію Суждаль.

Разбирая происхожденіе этого слова, ученые дали много толкованій по этому поводу. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что въ этомъ городѣ князья судили народъ, отчего и произошло названіе «Суждаль»; по мнѣнію другихъ имя Суздаля (Susudal) указываетъ на финское происхожденіе первоначальнаго его населенія.

Въ первый разъ Суздаль упоминается въ лѣтописи Нестора подъ 1024 годомъ, въ разсказѣ о возмущеніи мѣстныхъ волхвовъ. Суздальцы подъ вліяніемъ суевѣрныхъ убѣжденій, приписали возникшій голодъ чарамъ волхвовъ и колдуновъ и начали безжалостно избивать ихъ. Появленіе Мудраго Ярослава возстановило порядокъ. По преданію въ Суздалѣ былъ между прочимъ и Равноапостольный князь Владиміръ, поставившій въ 988 (6496) году епископомъ Суздальскимъ Феодора, скончавшагося здѣсь и погребеннаго въ Богородице-Рождественскомъ соборѣ. Настѣнная надпись у мощей святителя Феодора, сдѣланная въ 1635 году гласитъ: «въ лѣто 990 (6498) первый и великій князь Владиміръ просвѣти Суждальскую землю святымъ крещеніемъ и

паству вручи епископу Ѳеодору». Въ концѣ XI вѣка надъ Суздалемъ разразилось неожиданное бѣдствіе во время борьбы Олега Черниговскаго съ дѣтьми Владиміра Мономаха Изяславомъ и Мстиславомъ. Олегъ въ 1096 году овладѣлъ Суздалемъ; за павшаго въ битвѣ подъ Муромомъ брата Изяслава вступился Мстиславъ и предложилъ Олегу немедленно оставить Суздаль, что тотъ и исполнилъ, приказавъ сжечь городъ. «Остался токмо», говоритъ лѣтописецъ, «дворъ монастырскій и церковь, юже бѣ далъ Ефремъ и съ селы [1])». Послѣ побѣды одержанной Мстиславомъ, плѣнные Олегомъ суздальцы были освобождены.

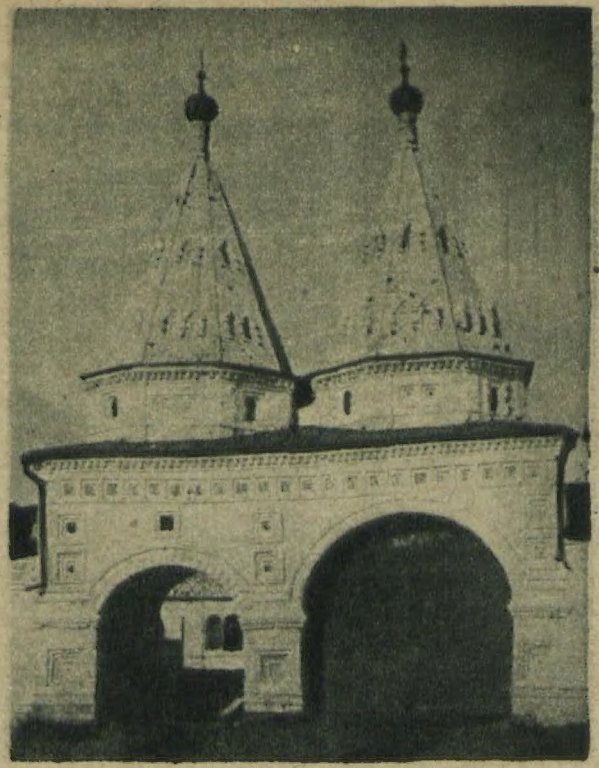
Мономахъ еще при жизни своей отдалъ Суздальскую область сыну своему Юрію, прозванному Долгорукимъ (1125—1157 г. г.) Юрій весьма много сдѣлалъ для этого края; новгородскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что при немъ появилось много храмовъ и Суздаль сдѣлался центромъ религіозной образованности и столичнымъ городомъ. Юрій построилъ здѣсь церковь во имя Всемилостивѣйшаго Спаса, несохранившуюся впрочемъ до настоящаго времени. Равнымъ образомъ въ 1521 году онъ построилъ близъ Суздаля на берегу рѣки Нерли каменную церковь Бориса и Глѣба, гдѣ погребены были его сынъ Борисъ Юрьевичъ съ супругой Маріей и дочь ихъ Евфросинія. Этотъ памятникъ церковной архитектуры XII вѣка сохранился до настоящаго времени.

Суздаль и Новгородъ, по даннымъ исторіи давно уже враждовавшіе между собой, искали случая помѣриться силами. Походъ суздальцевъ противъ Новгорода оказался для нихъ неудаченъ; они были разбиты новгородцами и взяты въ плѣнъ въ такомъ множествѣ, что по словамъ лѣтописи, за гривну отдавали тогда четырехъ суздальцевъ. Отдѣльные моменты изъ этого кроваваго эпизода естественно вдохновляли суздальскихъ и новгородскихъ художниковъ послѣдующихъ эпохъ. Лубочныя картины, до сихъ поръ разбрасываемыя суздальскими и палеховскими офенями, трактуютъ излюбленный сюжетъ «битвы съ новгородцами».

Нашествіе монголовъ естественно не миновало и Суздаля. Подступивъ къ Владиміру, Батый направилъ часть своего войска къ Суздалю. Татары взяли городъ, сожгли его, а населеніе большею часть увели въ плѣнъ. Въ битвѣ при рѣкѣ Сити палъ великій князь Юрій; немногіе изъ жителей спаслись въ Ризположенскомъ монастырѣ, уцѣлѣвшемъ послѣ всеобщаго разрушенія. Послѣ татарскаго нашествія уже при новыхъ условіяхъ русской исторической жизни, начинается новый періодъ въ исторіи Суз-

---

[1]) Суздаль и его достопамятности, изд. Влад. Уч. Арх. Ком. стр. 5.



Звонница Спасо-Евфиміева монастыря.
Входныя ворота Ризоположенскаго монастыря.

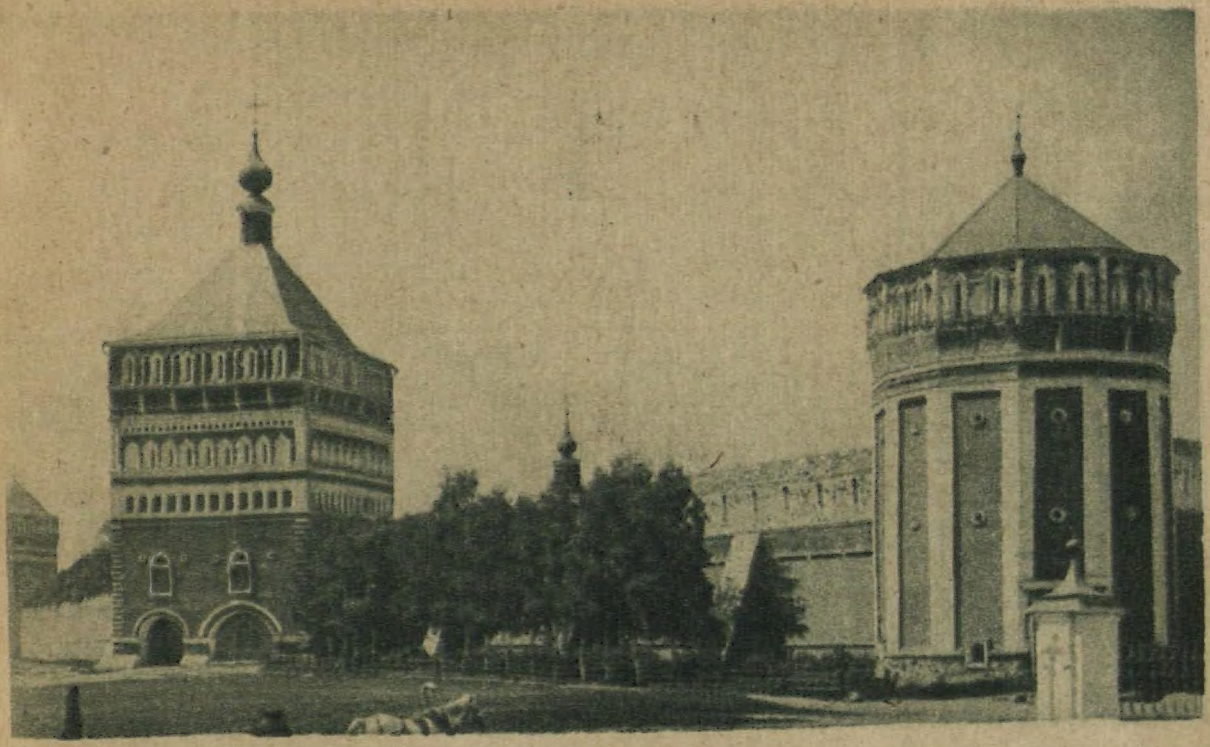
даля и Суздальскаго княжества. Происходитъ борьба между князьями московскими, тверскими и суздальскими и кончается побѣдой сильнѣйшаго московскаго князя; въ Москву переносится и великокняжескій престолъ. До окончательнаго подчиненія московскому государству, Суздаль былъ еще несомнѣнно многолюднымъ и богатымъ городомъ, а жители его, по выраженію лѣтописи, славились «досужествомъ въ художествѣ и промыслахъ». Зависимость отъ московскихъ князей особенно тяготила Суздаль и побудила его начать борьбу за свою самостоятельность. Въ этомъ отношеніи выдающейся личностью былъ князь Константинъ Васильевичъ. «Онъ княжилъ честно и грозно, оберегая свою отчизну отъ сильныхъ князей и отъ татаръ». Въ этихъ видахъ князь перенесъ свою столицу изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, подальше отъ Москвы. Подчиненіемъ Москвѣ въ 1392 году окончательно заканчивается самостоятельное нижегородско-суздальское княжество. Московскіе князья по выраженію лѣтописи «взяли наконецъ свою волю надъ суздальскими князьями». Съ момента окончательнаго подчиненія Москвѣ, Суздаль утратилъ и то политическое значеніе, которое онъ имѣлъ въ самостоятельномъ удѣльномъ княженіи, какъ столица своихъ князей. Ставши рядовымъ городомъ Московскаго государства и находясь внѣ оживленно-торговыхъ путей того времени, Суздаль въ XV и XVI вѣкахъ не пріобрѣлъ выдающагося положенія и въ торгово-промышленномъ отношеніи. Исторія Суздаля въ XV вѣкѣ темна; но уже къ концу этого столѣтія мы видимъ Суздаль въ числѣ такъ называемыхъ «замосковныхъ» городовъ. Въ половинѣ XVI вѣка Суздаль уже взятъ Иваномъ Грознымъ въ опричину, а пятнадцать лѣтъ спустя въ Суздалѣ на посадѣ насчитывалось всего 414 дворовъ. Жизнь этого провинціальнаго города текла мирно до начала XVII вѣка, когда волна смуты, поднявшейся въ Русскомъ государствѣ захватила и его, принеся ему раззореніе, почти равное татарскому раззоренію начала XIII вѣка.

Церковная исторія Суздаля тѣсно связана съ его политической исторіей. Сами суздальцы съ гордостью указываютъ, что несуществующій теперь храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы былъ построенъ самимъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ 990 году. Внукъ Юрія Долгорукаго Юрій II сильно старался поднять суздальское церковное строительство, оставивъ послѣ себя какъ памятникъ церковнаго зодчества храмъ Рождества Богородицы. Блестящій періодъ строительной дѣятельности Суздаля падаетъ на XII и XIV вѣка Такъ въ 1207 году

основанъ Ризположенскій монастырь, въ которомъ подвизалась княжна Ѳеодулія, въ иночествѣ Евфросинія. Около того же времени основанъ Троицкій женскій монастырь для вдовъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка въ Суздалѣ существовалъ уже Васильевскій мужской монастырь, а нѣсколько позднѣе возникаетъ здѣсь монастырь Спасо-Преображенскій. Смутное время нанесло Суздалю такое жестокое раззореніе отъ котораго онъ не могъ оправиться долгіе годы. Особенно сильно Суздаль пострадалъ при Лжедимитріѣ II. Въ 1608 году поляки, литовцы и «русскіе воры» подъ предводительствомъ Лисовскаго взяли Суздаль и устроили въ немъ свой укрѣпленный лагерь. Хотя суздальцы, присягнувъ второму самозванцу и получили отъ него похвальную грамоту, но тѣмъ не менѣе городъ и его окрестности подверглись жестокому разграбленію. Слѣды его точно зарегистрированы въ описяхъ 1612—1630 года. Первая опись, сдѣланная по свѣжимъ слѣдамъ по приказу стольника и воеводы князя Д. М. Пожарскаго констатировала ужасный разгромъ. Въ Суздалѣ на посадѣ въ острогѣ и за острогомъ было «жилецкихъ и посадскихъ 78 дворовъ, людей въ нихъ тожъ 19 дворовъ, люди коихъ ходятъ по міру, 60 мѣстъ дворовъ пустыхъ, люди коихъ также скитаются по міру или разбредись по городамъ и селамъ безвѣстно, 251 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ, люди побиты отъ литовцевъ и померли».

Въ писцовой книгѣ 1628—30 года сохранилась болѣе подробная суздальская опись. «Городъ Суздаль ветхъ, у него четыре ворота, въ городѣ каменная соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, пять деревянныхъ церквей, 120 дворовыхъ мѣстъ и 5 лавокъ пустыхъ». Въ лавкахъ торговали солью, льномъ, лукомъ, чеснокомъ хмѣлемъ, хлѣбомъ, и калачами, москательнымъ и пушнымъ товаромъ, мыломъ, медомъ, краскою, сапогами, лаптями, рукавицами, рогожами, желѣзными и серебряными издѣліями, горшками, свѣчами, рыбой, мясомъ, киселемъ и масломъ. На окраинахъ города стояли три монастыря— Спасскій, Покровскій и Васильевскій съ слободками при нихъ. Изъ приведенной описи видно, что и черезъ 20 лѣтъ послѣ литовскаго раззоренія слѣды перенесеннаго бѣдствія были еще довольно замѣтны.

Не успѣлъ Суздаль оправиться отъ перенесеннаго бѣдствія, какъ ему пришлось испытать новыя невзгоды. Не говоря уже о чудовищномъ разграбленіи со стороны крымскихъ татаръ или грандіозномъ пожарѣ 1644 года, Суздаль десятилѣтіе спустя постигла страшная моровая язва, унесшая въ могилу 1177 человѣкъ; въ живыхъ осталось только 1390 человѣкъ въ 477 дворахъ. Въ воспоминаніе прекращенія эпидеміи на мѣстѣ молебствія,



Ограда Спасо-Евфиміева монастыря; входная башня.

Ограда Спасо-Евфиміева монастыря.

тамъ гдѣ улицы сходятся крестообразно, была устроена деревянная часовня названная по своему мѣстонахожденію «Крестомъ». Въ 1770 году на мѣстѣ часовни усердіемъ суздальцевъ была сооружена каменная «Кресто-Николаевская» церковь, существующая до настоящаго времени.

Вторая половина XVII столѣтія прошла для Суздаля благополучно, однако городъ справлялся медленно; къ концу этого вѣка онъ имѣлъ только 515 дворовъ, подлежащихъ казенному окладному сбору. Въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII столѣтій для благоустройства Суздаля много сдѣлалъ митрополитъ Иларіонъ. Поставленный во епископа на суздальскую каѳедру, Иларіонъ въ томъ же году былъ возведенъ патріархомъ Іоакимомъ въ санъ митрополита,—ради его высокихъ праведныхъ достоинствъ и «ради древняго великаго княженія суздальскаго». Митрополитъ Иларіонъ заново отдѣлалъ соборъ Рождества Пресвятой Богородицы устроилъ каменный архіерейскій домъ, существующій несмотря на позднѣйшія передѣлки до сего времени и сохранившій отпечатокъ старинной «палатной» архитектуры XVII вѣка. Въ 1708 году при новомъ административномъ дѣленіи Россіи на 8 губерній, Суздаль былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ московской губерніи, а въ слѣдующемъ году главнымъ городомъ суздальской провинціи.

По описи 1760 года въ Суздалѣ было 17 каменныхъ приходскихъ церквей и только три церкви деревянныхъ; изъ этого можно заключить, что городъ уже значительно обновился, хотя улучшеніе его не простиралось на другія стороны городской жизни. Неизвѣстный авторъ топографическаго описанія суздальской провинціи 1760 года отмѣчаетъ, что суздальское купечество того времени было «богатествомъ средственно и даже убого». Авторъ другого подобнаго же описанія, изданнаго однако позднѣе, такъ изображаетъ Суздаль: «сей городъ раздѣляется на двѣ главныя части изъ коихъ первая называется Кремль, а вторая Земляной городъ. Съ сѣверной стороны Кремля внизу подъ горою течетъ рѣка Каменка и проходя далѣе обходитъ Земляной городъ съ западной стороны, съ прочихъ же сторонъ сіи части окружены иррегулярными валами и сверхъ сего при этомъ городѣ находятся всемь предмѣстій и шесть экономическихъ слободъ».

Наконецъ въ 1796 году Суздаль былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ вновь учрежденной Владимірской губерніи, а въ 1798 году перенесена была изъ Суздаля во Владиміръ и епископская каѳедра. Это административное униженіе несомнѣнно отразилось на дальнѣйшемъ положеніи Суздаля въ XIX столѣтіи. Съ этого времени Суздаль окончательно «захудалъ», обществен-

ная жизнь въ немъ заглохла, торговля и промышленность ослабли, а вмѣстѣ съ тѣмъ упало и его матеріальное благо состояніе.

Владиміро-Суздальская архитектура.

Владиміро-суздальскія церкви давно уже привлекали къ себѣ вниманіе археологовъ и архитекторовъ-спеціалистовъ. Установивъ разъ навсегда извѣстную своеобразность суздальской архитектуры, ученые сошлись на одной общей точкѣ зрѣнія, что типъ церквей суздальской области отражаетъ на себѣ смѣсь двухъ вліяній: византійскаго и западнаго. Выраженіе лѣтописца по поводу построенія Владимірскаго соборнаго храма «приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастеры», указываетъ на то, что суздальскіе князья призывали для своихъ построекъ мастеровъ изъ разныхъ земель. Византія, просвѣтившая Русь свѣтомъ христіанства, дала ей и ранніе образцы церковнаго зодчества. Первыми строителями каменныхъ церквей на Руси были греческіе зодчіе, державшіеся строго въ своихъ постройкахъ тѣхъ образцовъ, какіе они имѣли случай видѣть и изучить на своей родинѣ. Мы совершенно не знаемъ ранніхъ деревянныхъ храмовъ суздальской области и мало можемъ сказать о деревянной гражданской архитектурѣ; поэтому единственнымъ критеріемъ для нашихъ сужденій о храмовомъ зодчествѣ суздальской области могутъ служить тѣ немногочисленные каменные храмы чисто византійской постройки, уцѣлѣвшіе до настоящаго времени.

Византійскій храмъ въ общихъ чертахъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ: въ планѣ крестъ, квадратъ, или прямоугольникъ; восточная часть имѣетъ три абсиды, изъ которыхъ средняя предназначена для престола, лѣвая для жертвенника и правая для діаконника. Суздальскія церкви по большей части имѣютъ въ своемъ основаніи четыреугольникъ къ восточной сторонѣ котораго примыкаютъ три алтарныхъ абсиды. Четыре внутреннихъ столба, соединенные арками съ пилястрами, образуютъ равноконечный крестъ, вписанный внутри четыреугольника. Надъ срединой этого креста на аркахъ и люнетахъ возвышается круглый барабанъ, покрытый полусферическимъ сводомъ. Четыре оконечности креста перекрыты коробовыми полуциркульными сводами, опирающимися на арки. Стѣны внутри церкви пилястрами дѣлятся на три части, и это дѣленіе какъ нельзя лучше обрисовываетъ типъ византійской церкви. Прямыхъ карнизовъ храмы Византіи не знали, и крыши церквей покрывались прямо по

Ограда Спасо-Евфиміева монастыря.

Царскія врата въ п. Рождества Богородицы Евангеліе Кн Пожарскаго въ Спасо-Евфиміевомъ мон. тырѣ.
въ с. Сельцо, близъ Суздаля.

сводамъ. Три выступа алтаря покрывались полусферическими сводами и крышами, подходящими къ очерку аркамъ арокъ, составляющимъ верхъ восточной стѣны. Стѣны сѣверная, западная и южная не были одинаковой толщины во всемъ своемъ протяженіи: ихъ нижняя половина до высоты хоръ была толще и имѣла снаружи обрѣзъ, опоясывающій церковь по серединѣ фасадовъ. Въ среднемъ широкомъ отдѣлѣ трехъ фасадовъ находится полуциркульная дверь, обведенная нѣсколькими архивольтами, опирающимися на колонки.

По такому типу выстроены всѣ церкви Суздаля, за исключеніемъ суздальскаго Рождественскаго Богородицина собора. Отличіе послѣдняго состоитъ въ томъ, что вмѣсто квадрата въ основаніи взятъ удлиненный прямоугольникъ, сближающій суздальскій соборъ съ церквами Кіева, хотя планъ и конструкція его по прежнему остаются византійскими. Оригинальность владиміро-суздальской архитектуры составляютъ другія особенности, которыми эти церкви отличаются отъ древнихъ храмовъ кіевскихъ и новгородскихъ. Сюда относится во-первыхъ горизонтальный узорчатый поясъ, состоящій изъ ряда арочекъ, поддерживаемыхъ колонками, утвержденными на фигурныхъ кронштейнахъ. Такимъ образомъ, этотъ поясъ предназначенъ раздѣлять наружныя стѣны на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Вторую особенность владиміро-суздальской архитектуры составляетъ почти такой же узорчатый карнизъ, увѣнчивающій алтарныя абсиды и верхнюю часть трибунъ. Третьей отличительной особенностью суздальскихъ церквей являются двери своеобразной формы въ видѣ романскихъ порталовъ съ полукруглымъ верхомъ и большими откосами по сторонамъ, установленными столбами и колонками, въ свою очередь стянутыми кверху узорчатыми полукруглыми перемычками. Наконецъ четвертую самую характерную особенность владиміро-суздальской церковной архитектуры составляютъ скульптурныя или обронныя украшенія на наружныхъ стѣнахъ въ видѣ человѣческихъ фигуръ, птицъ, животныхъ и растеній. Вкусъ къ подобнымъ украшеніямъ развивался постепенно. Первыя обронныя украшенія нашей церковной архитектуры встрѣчается уже въ XI вѣкѣ и увеличиваясь мало по малу, доходятъ въ церквахъ владиміро-суздальской области до XII вѣка. Начинаясь со скромнаго почти гладкаго пояса, обронныя украшенія на нѣкоторыхъ памятникахъ суздальской архитектуры образуютъ сплошную массу узоровъ, фигуръ и арабесокъ отъ основанія до самой кровли.

Фантастическія изображенія животныхъ, насѣкомыхъ и людей, столь рельефно подчеркивающихъ особенность суздальскаго храмового строительства, были уже давно извѣстны народамъ,

живнимъ на территоріи Россіи. У Чуди, напримѣръ, изображенія разныхъ змѣй и животныхъ встрѣчаются уже на предметахъ каменнаго и бронзоваго періода. Перенесенные на дерево эти мотивы охотно трактуются славянами. Отголоскомъ этой фантастики являются легенды о Бабѣ-Ягѣ, жилище которой поддерживается мощными лапами полудракона-полусфинкса. То же самое напоминаютъ, пожалуй, декоративные мотивы владиміро-суздальскихъ церквей; здѣсь тѣ же животныя, которыя поддерживаютъ колонки главнаго пояса. По вопросу о томъ, какимъ путемъ появились на Руси эти фантастическія изображенія, ученые высказываютъ соображенія въ общемъ клонящіяся къ мысли о восточномъ вліяніи. Изучая орнаментику суздальскихъ храмовъ невольно приходитъ на мысль далекая Азія или остатки браминской эпохи. Восточное вліяніе на раннюю русскую орнаментацію XII вѣка подтверждается и многочисленными раскопками, различными археологическими находками, фрагментами различныхъ матерій и наконецъ фантастическими украшеніями стѣнъ нашихъ храмовъ.

Владиміро-Суздальская архитектура сохранила чисто «перспективный» характеръ романскихъ порталовъ въ ихъ своеобразномъ пониманіи формъ древне-римской архитектуры. Декорація играетъ здѣсь большую роль и полуколонки съ капителями, какъ бы подчеркиваютъ настоятельную необходимость свѣтовыхъ эффектовъ среди затѣйливыхъ скульптурныхъ массъ.

Съ другой стороны военные походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и Юрія много способствовали сношеніямъ Руси съ Востокомъ. Недалеко отъ насъ была Болгарія, куда призывались индійскіе мастера и откуда между прочимъ вывозился камень для постройки суздальскихъ соборовъ. Здѣсь на Волгѣ находился городъ Булгаръ, главный торговый пунктъ для всего Востока, куда являлось много восточныхъ людей. Сюда стекались купцы изъ разныхъ странъ, продавали свои продукты или обмѣнивали ихъ на мѣстные товары. Помимо чисто азіатскаго «персидскаго», сказали бы мы, вліянія, на архитектурѣ Суздаля замѣтенъ сильный отпечатокъ Кавказа. Какъ извѣстно, наши удѣльные князья были хорошо знакомы съ Кавказомъ, а сынъ Андрея Боголюбскаго Георгій былъ даже женатъ на грузинской царевнѣ. Поэтому ничего нѣтъ невѣроятнаго, что при постройкѣ суздальскихъ церквей изъ людей «туманнаго Востока» кромѣ азіатскихъ мастеровъ работали и армяне, тѣмъ болѣе, что лѣтопись свидѣтельствуетъ о созывѣ для этой постройки «мастеровъ со всей земли».

Такимъ образомъ отголоски армянскаго искусства могли появиться въ Суздальской землѣ съ юга и отразиться на орнамен-

тахъ, фронтонныхъ покрытіяхъ и на общей стройности храмовъ. Однако кавказское вліяніе, очень замѣтное въ Кіевской архитектурѣ начинаетъ сильно уменьшаться съ переводомъ стольнаго города изъ Кіева во Владиміръ. Церкви пріобрѣтаютъ теперь свою особенную архитектуру въ которой, преимущественно въ деталяхъ—есть много такого, что издстари существовало на русской почвѣ и что, наконецъ, составляло достояніе ея обитателей еще въ языческое время.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ типомъ Владиміро-Суздальскихъ церквей XI—XIII вѣковъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ внутреннемъ убранствѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей до сихъ поръ еще сохранились остатки внутренней древней фресковой живописи. Подобныя украшенія церковныхъ стѣнъ повидимому было дѣломъ обыкновеннымъ. Живопись располагалась въ церкви не только на стѣнахъ, но и на невысокихъ иконостасахъ, которые и являлись одной изъ отличительныхъ особенностей храмовъ до-монгольскаго періода. Ранняя церковная живопись и иконы XI вѣка сопровождаются еще греческими надписями, смѣняясь, по замѣчанію проф. А. Прахова, столѣтіемъ позже уже надписями русскими. Другой особенностью внутренняго устройства суздальскихъ храмовъ явилось дѣленіе алтаря двумя каменными сплошными стѣнками на три части, при чемъ въ стѣнкахъ были продѣланы низенькія дверцы. Что касается до украшенія и благолѣпія первыхъ церквей Владиміро-Суздальскаго края, то изъ лѣтописей извѣстно, что князья и епископы съ одинаковымъ рвеніемъ и даже съ нѣкоторымъ соревнованіемъ стремились къ украшенію храмовъ. Городская и соборная церковь въ древней Руси служила мѣстомъ всѣхъ крупныхъ и общественныхъ собраній, центромъ добровольныхъ приношеній и потому и составляла справедливую гордость. Кромѣ того, чѣмъ богаче и великолѣпнѣе было внутреннее убранство соборнаго храма, тѣмъ это болѣе приносило чести и славы мѣстному владыкѣ. Не даромъ, вѣдь, первый Владимірскій епископъ Святой Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу пишетъ: «Кто не знаетъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ-краса всему городу!»..:

Суздальская иконопись и живопись.

«Красота спасетъ міръ».
Федоръ Достоевскій.

Въ Суздальской области, уже съ древнѣйшихъ временъ существовали школы съ высокой живописной культурой. Древнѣйшія работы первыхъ суздальскихъ иконописцевъ поражаютъ богатствомъ и силою красокъ, удивительно комбинировавшихся съ монументальной живописью.

Самыя древнія иконы оказываются самыми свѣтлыми и цвѣтными. Наша иконопись въ древности не умѣла существовать безъ радостной, сильно «поющей» краски. Иконописцы XIV—XVI вѣковъ любили алые и голубые цвѣта, любили свѣтлые и надзвные фоны, отливающіе какъ воскъ жемчужными перелизами. Не даромъ вѣдь на языкѣ нашихъ иконописцевъ «свѣтомъ» назывался самый фонъ иконы.

Если говорить о Суздальской иконописи, какъ одной изъ «провинціальныхъ» вѣтвей обширнаго русскаго иконописанія, то ея исторія въ до-монгольскій періодъ должна быть выдѣлена въ особую главу. Исходнымъ и конечнымъ пунктомъ суздальской иконописи, какъ и всюду является Византія. Изъ цѣлой плеяды мастеровъ-византійцевъ XIV вѣка выдѣляется здѣсь Ѳеофанъ Грекъ, свободомыслящій философъ, либералъ и новаторъ. До насъ не дошло прямыхъ указаній на пребываніе Ѳеофана во Владимірѣ или Суздалѣ, зато знакомясь съ древнѣйшими иконами Суздаля и его соборовъ, приходится констатировать на суздальской иконописи вліяніе этого изумительнаго изографа.

Уже тогда намѣчаются излюбленные цвѣта суздальской иконописи: красный, красновато-коричневый, желто-золотистый, и оливково-зеленый. Этими цвѣтами писалось въ иконѣ все главнѣйшее. Полутона употреблялись для одеждъ и клались обычно сочно, оттѣняя контуры и складки.

Техника иконописанія была связана съ извѣстными, никогда не нарушимыми традиціями. Иконописецъ вѣрилъ въ эти традиціи, боготворилъ ихъ. Въ своихъ иконахъ онъ выявляетъ все лучшее въ себѣ, всю свою душу.

Этотъ «аристократизмъ» русской души со всею силой отлился въ XV вѣкѣ въ моментъ появленія въ свѣтъ лучшихъ произведеній Андрея Рублева. Послѣдній рѣзко индивидуализировалъ типы лицъ, и XV вѣкъ русской иконописи далъ намъ полную возможность говорить о величественномъ образѣ русскаго Христа, преисполненнаго всепрощающей любовью или полнаго

Спасо-Преображенскій соборъ въ Спасскомъ монастырѣ.

Дверь и окно собора женскаго Ризо-Положенскаго монастыря.

скорбную и милостивую Богородицу, отличную отъ итальянскихъ мадоннъ.

Андрей Рублевъ не чуждъ Владимірскому краю и Суздалю. Въ 1408 году Великій Князь Василій Дмитріевичъ приказалъ художнику совмѣстно съ Даніиломъ Чернымъ приступить къ росписи соборной церкви Владимірской Богоматери. «Мая начата бысть, повѣствуетъ лѣтопись, подписывати великая и соборная церкви Пречистая Володимерьская повеленіемъ великаго князя Василія Дмитріевича; а мастери Данило иконникъ да Андрей Рублевъ.»

Особенность Рублевскаго письма передалась и суздальскимъ иконамъ. Онѣ, по словамъ Д. А. Ровинскаго «писаны легко и жидко безъ оживокъ и краски положены на нихъ тонкимъ слоемъ».

Прошло два вѣка. Былой законодатель въ области искусства, Новгородъ, долженъ былъ подъ давленіемъ политическихъ событій уступить въ этомъ отношеніи пальму первенства Москвѣ. Новгородская иконопись съ ея вліяніемъ на провинціальныя школы отжила свой вѣкъ. Суздалю было чему поучиться у Новгорода; взявъ въ основаніе своихъ композицій характерную особенность Новгорода—обиліе сложныхъ иконныхъ сценъ догматико-аллегорическаго содержанія, суздальцы показали себя мастерами различныхъ живописныхъ пріемовъ, такъ или иначе, но связанныхъ съ Византіей временъ Палеологовъ. Игнорируя совершенно реализмъ, суздальцы окончательно закрѣпили иконописный стиль; въ этомъ ихъ огромная заслуга, съ которой подходятъ они къ московской школѣ.

Въ искусствѣ эпохи Ивана Грознаго слились два теченія: національно-православное, внесенное митрополитомъ Макаріемъ и царское, внесенное самимъ Грознымъ. Макарій, окруженный толпой писцовъ, миніатюристовъ и иконниковъ, стремился къ изображенію идей въ лицахъ и событіяхъ. Грозный—къ орнаментальному апофеозу царской власти. «Грозный не создалъ художественной школы, но блестяще увѣковѣчилъ такую» [1]).

Начиная съ этого времени иконопись теряетъ свой монументальный строго идеалистическій стиль и обильно принимаетъ въ себя народныя и національныя черты. Національность эпохи Грознаго входитъ въ искусство съ сильнымъ привкусомъ Востока. Покореніе восточныхъ царствъ не могло не отразиться на всемъ укладѣ русской жизни. Горный пейзажъ превращается теперь въ русской живописи въ условный узоръ, эллинистичес-

[1]) В. Н. Щепкинъ Московская Иконопись „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ". Часть II, стр. 237.

кія зданія смѣняются луковицами церквей и теремами. Прежняя свобода и простота покидаютъ иконопись. Національзація мотивовъ и формъ сдѣлала то, что иконопись перестала быть искусствомъ для всѣхъ раздѣлившись на искусство для многихъ и искусство для немногихъ. На фонѣ этого общаго паденія еще ярче выдѣляются иконы, писанныя тогда для немногихъ избранныхъ: сперва для именитыхъ людей Строгановыхъ, позже для московскихъ царей.

Экзотичность и великолѣпіе «царскихъ» письменъ не могли, конечно, не отразиться и на суздальской иконописи. На дошедшихъ до насъ образцахъ ея мы видимъ, что типы иконъ приняли общій характеръ, событія получили эпическую обработку, а догматы церкви трактуются либо схематично, либо условно.

Наступилъ XVII вѣкъ, а съ нимъ блестящій періодъ расцвѣта русскаго искусства. Въ Оружейной Палатѣ—тогдашней академіи искусствъ, въ роли почти единодержавнаго хозяина сидѣлъ боярынъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Человѣкъ съ большимъ вкусомъ и художественнымъ чутьемъ. Хитрово въ то же время по духу былъ православнымъ человѣкомъ, глубоко почитавшимъ икону, вполнѣ сохранившимъ старые завѣты и не допускавшимъ въ дѣлѣ иконописанія никакого кощунства. Своимъ стараніемъ, своею сдержанностью и мягкостью Хитрово необычайно поднялъ дѣятельность Оружейной Палаты, вышелъ побѣдителемъ изъ серіознаго конфликта съ Никономъ, сумѣвъ создать ту красивую и роскошную картину, русскаго изящнаго иконописнаго искусства, которую мы имѣемъ отъ второй половины XVII вѣка.

Городовые иконописцы, вызываемые въ Москву для исполненія работъ по указанію Оружейной Палаты, несли тѣмъ самымъ государственныя повинности. Правительство считало себя въ правѣ использовать для государственныхъ цѣлей каждый талантъ, каждое ремесло, искусство и знаніе. Характеръ самихъ вызововъ всегда былъ принудительный и ослушниковъ царскихъ указовъ ожидали строгія кары. Рядъ талантливыхъ работниковъ Палаты оставилъ послѣ себя художественное наслѣдіе выдающагося интереса.

Суздальская иконопись и на этотъ разъ не могла не раздѣлить общей участи русскаго искусства XVII вѣка.

Возвращаясь послѣ вызова въ Москву, въ Суздаль иконописцы собирали вокругъ себя учениковъ и вотъ уже съ самаго начала XVII вѣка мы видимъ иконописцевъ изъ суздальскихъ посадскихъ людей. Въ описныхъ книгахъ города Суздаля за 1617 годъ указаны дворъ и мѣсто Фомки-иконника и Мастюги-иконника. Лавка Офоньки Чуприна, по словамъ той же описи, «тор-

гуетъ образы». [1]): Кромѣ посадскихъ людей въ Суздалѣ иконописью занимались и монастырскіе люди. Въ челобитьѣ царю отъ 1628 года чернаго крестоваго попа старца Лаврентія говорится, что при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ иконописью занимались нѣкоторые изъ монашествующихъ при чемъ самые искусные изъ нихъ посылались въ Шую для контроля и засвидѣтельствованія тамошней иконописи. Такимъ иконописнымъ контролеромъ, между прочимъ, былъ старецъ Прокопій. Въ описной книгѣ 1611 года крестьянъ суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, торговавшихъ въ Суздалѣ подъ «номеромъ семнадцатымъ», значится лавка Володьки Иконника, который «мѣняетъ иконы». Въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ иконописцемъ въ то время былъ монахъ Іоакимъ. Икона Богоматери его письма была привезена въ суздальскую Воскресенскую церковь въ 1625 году и, находясь здѣсь, въ настоящее время считается характернымъ образцомъ иконописи XVII вѣка.

Въ суздальскомъ соборѣ Рождества Богородицы въ придѣлѣ Святителей Федора и Іоанна находятся пять иконъ работы знаменитаго Симона Ушакова.: Св. Софіи –Премудрости Божьей, Похвалы Пресвятой Богородицы, Входа Господня въ Іерусалимъ, Покрова Пресвятыя Богородицы и Неопалимыя Купины. Къ сожалѣнію работы Ушакова въ Суздальскомъ соборѣ очень невыгодно размѣщены на второмъ правомъ и первомъ лѣвомъ столбахъ храма. Иконамъ не хватаетъ свѣта, отчего темныя сами по себѣ онѣ не производятъ должнаго впечатлѣнія.

Драгоцѣнныя данныя для исторіи Суздальской Иконописи XVII вѣка находятся въ Богородице-Рождественскомъ Соборѣ и Ризоположенской церкви. На южной паперти послѣдней по правую руку отъ входной двери помѣщена большая икона Распятія съ Предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Эта икона является коллективной работой двухъ суздальскихъ иконописцевъ конца XVII вѣка Іоанна Ушакова и Бабухина, надпись на ней гласитъ: «188 (1680) году писалъ распятье Господне Кузьма Яковлевъ Бабухинъ Суздалецъ; Богородицынъ образъ и Богослова Іоанна писалъ зографъ.....ей Іоанновъ».

Сравнивая икону по манерѣ письма съ датированными памятниками иконописанія, современными ей, напримѣръ съ иконами иконостаса Покровскаго монастыря въ Суздалѣ, писанными въ 1686 году Артеміемъ Картушкомъ, Іоанномъ Рефуситскимъ, Флоромъ Луховлянинымъ и другими прямыми учениками направленія школы Ушакова въ художественномъ отношеніи, мы должны

---

[1]) Ежегодникъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 1875. Стр. 261—264.

признать, что техника иконописанія въ то время стояла на должной высотѣ и иконописцы Юшиновъ и Бабухинъ ни въ чемъ не уступали лучшимъ мастерамъ школы царскихъ иконописцевъ конца XVII вѣка. Тѣ черты благотворнаго вліянія западнаго искусства, которыя такъ привлекательны въ произведеніяхъ кисти Симона Ушакова и его учениковъ, всѣ онѣ на лицо и въ этой иконѣ. Правильность рисунка, знаніе анатоміи, естественность выраженія лицъ, умѣлое пользованіе свѣтотѣнью и перспективой. Но, къ сожалѣнію, слѣдованіе древнимъ иконописнымъ подлинникамъ, характеризующее иконы мастеровъ царской школы, здѣсь уже уступаетъ мѣсто рабскому подражанію западному образцу не только въ естественности выраженія лицъ, и позахъ, но даже въ самомъ колоритѣ и рисункѣ. По манерѣ писанія, колориту, и композиціи сюжета икона эта является буквальнымъ подражаніемъ западному рисунку. Въ раздѣлкѣ волосъ, глазъ и вообще ликовъ, въ особенности всего тѣла распятаго Спасителя и даже «доличнаго» у Бабухина уже ничего не осталось старого иконописнаго. Напротивъ, у Юшинова въ его изображеніи Богоматери и Іоанна и ихъ типахъ сохранилось много иконнаго; здѣсь уже чувствуется слѣдованіе иконописному подлиннику. «Палатное письмо» (Градъ Іерусалимъ) и вообще пейзажъ трактованы въ стилѣ западныхъ мастеровъ. Типъ распятаго Христа не русскій, скорѣе даже напоминающій Христа Перуджино или Гольбейна.

Такимъ образомъ эта икона наглядно показываетъ, какъ быстро въ провинціальную иконопись проникло западное вліяніе и какъ скоро суздальскіе иконописцы усвоили себѣ технику западныхъ мастеровъ, наводнившихъ иконами, написанными по западнымъ образцамъ сначала городскія, а затѣмъ и сельскія лавки по Руси. Тѣмъ же Бабухинымъ первостатейнымъ кормовымъ иконописемъ, въ слѣдующемъ году написанъ находящійся въ Ефросиніевскомъ придѣлѣ образъ Господа Вседержителя съ изображеніемъ 12 Святыхъ.

Суздальская иконопись процвѣтаетъ и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Корифеями тогдашней иконописи могутъ быть названы Илья Артемовъ Купріяновъ, дѣлецъ Іоаннъ Федоровъ Рождественовъ, Михаилъ Дмитріевъ, Михаилъ Лукьяновъ сынъ Попово, Горшковъ и другіе.

Илья Купріяновъ, какъ художникъ-иконописецъ, ждетъ еще своего изслѣдователя, открывающаго, безъ сомнѣнія, въ Купріяновѣ таланта, по силѣ и экспрессіи едва ли уступающій самому Ушакову.

Въ Суздалѣ находится нѣсколько работъ Купріянова. Но время, однако, и пятидесяти лѣтъ послѣ смерти Юшинова и Ба-

Богородице-Рождественскій соборъ.

Икона Симона-Ушакова, в Богородице-Рождественском соборе.

бухина, какъ въ лучшихъ суздальскихъ церквахъ начинаютъ преобладать иконы, писанныя непосредственно по католическимъ образцамъ, заимствованнымъ или изъ Польши, или вывезеннымъ изъ за границы въ видѣ гравюръ и куниттовъ. Куприяновъ явился провозвѣстникомъ новаго иконописнаго направленія, превосходно выраженнаго въ двухъ его иконахъ «Распятіе» Воскресенской церкви и «Знаменіе Божьей Матери» церкви Знаменья въ Суздалѣ.

Не долго просуществовала школа Куприянова. Суздальская иконопись захирѣла, постепенно стала падать; все меньше и меньше слышно о суздальскихъ иконописцахъ и къ концу XVIII вѣка иконопись, какъ мощная отрасль народнаго искусства, наводнявшаго своими произведеніями и бѣдный и богатый домъ, прекратилась здѣсь совершенно, перейдя въ селе Холуй, Мстеру и Палехъ.

Какъ и когда началась иконопись въ этихъ селахъ сказать трудно. По мнѣнію А. И. Успенскаго, Холуй имѣлъ большую связь съ Суздалемъ съ самаго начала XVII вѣка въ періодъ блестящаго разцвѣта суздальской иконописи. Въ 1613 году слобода Холуй была пожертвована князю Д. М. Пожарскому и имъ, какъ видно изъ актовъ впослѣдствіи была отказана Спасо-Ефиміевскому монастырю на поминъ его родителей. По суздальскимъ писцовымъ книгамъ 1634 года иконописцами Холуя значатся: Ларушка Ивановъ, по прозвищемъ Пучилко-иконникъ и Гришка Игнатьевъ. Ихъ можно принять за первыхъ холуйскихъ-иконописцевъ, такъ какъ во второй половинѣ XVII вѣка иконописное художество становится уже здѣсь наслѣдственнымъ занятіемъ.

Съ XVII вѣка появляются также и ходебщики или офени, не безъ успѣха продающіе «краснаго» иконы по различнымъ городамъ и селамъ: «Вездѣ по деревнямъ и селамъ прасолы и щепетинники иконы крошнями таскаютъ, а писаны онѣ таково ругательно, что оныя походятъ не на человѣческія образы, а на дикихъ людей. Шуйне, Холуйне и Палешане на торгахъ продаютъ ихъ и развозятъ по деревнямъ.... И обманывая простой народъ, щепетинники говорятъ, что будто бы отъ добрыхъ иконъ спасенія не бываетъ».

Однако среди многообразія длинныхъ, доступныхъ по цѣнѣ и небрежно написанныхъ иконъ, поставляемыхъ холуйскими селами интересно отмѣтить строго опредѣленные и разъ на всегда установленные сюжеты; таковы, напримѣръ, а аллегорическое изображеніе моря и Іордана. Первое трактовалось всегда въ видѣ бѣгущей женщины съ распущенными волосами и съ [illegible] лѣвой протянутой рукѣ. Іордань изображался обычно въ видѣ человѣка-рыбы рядомъ съ единорогомъ.

Въ заключеніи этого краткаго очерка суздальской иконопи-

КР-3927

ся остановимся на разсмотрѣніи живописи портретной, живописи «парсуннаго письма», какъ говорили встарь.

Кромѣ портрета инокини Соломоніи, первой супруги великаго князя Василія III. въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, о которомъ вскользь упоминаетъ А. П. Новицкій [1]), въ Суздалѣ хранятся нѣсколько примѣчательныхъ образцовъ парсуннаго письма, молчаливо свидѣтельствующихъ о высотѣ этой техники во Владимірскомъ краю.

Хорошіе живописцы были при архіерейскомъ домѣ преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, родственника и друга царскаго изографа Ушакова. Находящійся надъ гробницей Святителя въ суздальскомъ соборѣ портретъ его, писанный незадолго до смерти Иларіона, изображаетъ митрополита въ архіерейскомъ облаченіи, митрѣ, съ дикиріемъ и трикиріемъ въ вытянутыхъ рукахъ. Нѣсколько суровое лицо Иларіона, обрамленное бородой смягчено общей торжественностью всей композиціи. Технически портретъ исполненъ безукоризненно: въ немъ есть и несомнѣнное сходство съ оригиналомъ, сила и экспрессія. Однако въ немъ нѣтъ глубины, отсутствіе которой скрашиваетъ манерная иконность.

Гораздо интереснѣе—третій памятникъ парсуннаго письма въ Суздалѣ—портретъ царицы Евдокіи Лопухиной въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ.

Портретъ этотъ, находящійся въ настоящее время въ кельи казначеи монастыря, писанъ на полотнѣ масляными красками, натянутъ на деревянный подрамникъ и вставленъ въ позднѣйшую золоченую раму за стекломъ. Вырѣзанная ножомъ надпись на обратной сторонѣ подрамника «царица Евдокея» судя по характеру буквъ, болѣе поздняго происхожденія. Самый портретъ, изображающій царицу Евдокію, представляетъ довольно красивую, набѣленную и нарумяненную молодую женщину съ большими глазами, густыми бровями, красивымъ ртомъ, и характернымъ носомъ. Одѣта она въ темное, нѣсколько вырѣзанное у шеи платье, закрытое на мѣстѣ вырѣза тюлевымъ ожерельемъ. На головѣ царицы черная шолковая кика, ввидѣ небольшой шапочки, прикрывающей гладко причесанныя, темно каштановыя волосы, сверху кики накинутъ тюлевый, ниспадающій до самыхъ плечъ, изящно вышитый убрусецъ. Платье, кокетливаго польскаго, а не русскаго покроя, сшито изъ темно зеленаго «стяжолаго» бархата. Въ ушахъ царицы серьги съ двумя изумрудами.

Что касается до времени написанія портрета, то таковой су-

[1]) А. П. Новицкій. „Парсунное письмо въ Московской Руси." Старые годы 1909 г. Стр. 395.

Деталь кіота 1590 года въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Спасо Евфиміевъ монастырь.
Ладонница 1568 года и Кадила 1599 года.

дя по нѣкоторымъ данным могъ быть нарисованъ незадолго до ссылки царицы въ Суздаль, когда Евдокія съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Петра изъ за границы, надѣясь вернуть къ себѣ его охладѣвшее сердце. Этимъ можно объяснить пожалуй и кокетливость наряда царицы. Однако всего вѣроятнѣе портретъ относится къ 1707—1710 годамъ, когда развѣнчанная царица сбросила съ себя монашеское платье и увлеклась майоромъ Глѣбовымъ. Евдокіи въ это время было около 37 лѣтъ. Естественно, что желая понравится избраннику своего сердца, она очень заботилась о своей красотѣ и нарядахъ.

Помѣщенные во многихъ изданіяхъ снимки съ портрета, къ сожалѣнію, не могутъ передать впечатлѣнія подлинника. Въ снимкахъ утратилась живость выраженія лица, удавшаяся въ значительной степени живописцу, и, благодаря фотографіи, выступили такія подробности, которыя въ подлинникѣ не замѣтны.

БОРИСОГЛѢБСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ СЕЛѢ КИДЕКШѢ.

Село Кидекша, бывшее по преданію загороднымъ мѣстопребываніемъ князей суздальскихъ, расположено на крутомъ берегу рѣки Нерли. Среди села на возвышенномъ мѣстѣ находится церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная изъ бѣлаго камня великимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году. «Того же лѣта (1152), повѣствуетъ лѣтопись, Юрій Владимировичъ изъ суздальской земли созда на Нерли церковь во имя мучениковъ Бориса и Глѣба». Церковь сооружена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по сказанію лѣтописца былъ сборный пунктъ князей во время ихъ путешествія въ Кіевъ. Такимъ образомъ по времени своего построенія Борисоглѣбская церковь относится къ самому начальному періоду суздальской архитектуры, подходя по своему плану и основному устройству къ типу суздальскихъ церквей XII вѣка. Она квадратная съ четырьмя столбами внутри и тремя алтарными полукружьями снаружи. Почти вся исторія Россіи прошла надъ куполомъ Борисоглѣбской церкви. Рядъ передѣлокъ сильно исказилъ ея внѣшній видъ: измѣнились старыя, узкія и длинныя окна; покрытіе изъ подсводнаго сдѣлано на четыре ската; шлемообразная голова приняла видъ луковичной. Теперь трудно судить о наружныхъ украшеніяхъ церкви въ ея первоначальномъ видѣ. Жалкіе остатки ихъ говорятъ о минувшемъ, былыхъ невзгодахъ, молчаливо дожидаясь новыхъ временъ, новыхъ настроеній.

Порталы Борисоглѣбской церкви состоятъ изъ простого, полукруглаго вверху архивольта, совсѣмъ нѣтъ рельефныхъ украшеній на стѣнахъ. Но характерный для Владиміро-Суздальскихъ церквей поясокъ по срединѣ наружныхъ стѣнъ строенія налицо. Онъ состоитъ изъ отлива, изъ поставленныхъ угломъ кирпичей (сухарчатый поясъ) и изъ дугообразныхъ перемычекъ. Были ли подъ этими перемычками обычныя суздальскимъ церквамъ болѣе поздняго времени колонки,—ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Колонками украшенъ здѣсь лишь барабанъ купола.

Церковь села Кидекши кромѣ своей древности замѣчательна и по великокняжескимъ гробницамъ, въ ней находящимся. Одна изъ такихъ гробницъ каменная находится на правой сторонѣ церкви въ стѣнѣ задняго угла съ надписью: «Въ лѣто 6667 (1159) маія 12 дня представися Благовѣрный Великій Князь Борисъ Георгіевичъ Суждальскій, сынъ Благовѣрнаго Великаго Князя Георгія Владиміровича Мономаха-Долгорукаго, братъ же Благовѣрнаго Великаго Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго».

На лѣвой сторонѣ Борисоглѣбской церкви въ стѣнѣ же находится могила жены князя Бориса Георгіевича Маріи, скончавшейся судя по надписи 15 апрѣля 1161 года. Здѣсь же погребена и дочь великокняжеской четы Евфросинія. Среди церкви ближе къ гробницѣ князя Бориса Георгіевича въ уровень съ поломъ имѣется плита съ надписью: «Лѣта 7114 (1606) августа 18 дня преставись рабъ Божій князь и старецъ Исаія Петровъ, на имя Св. мученикъ Флора и Лавра». По письменнымъ документамъ суздальской консисторіи извѣстно, что въ 1675 году суздальскій воевода Тимофей Петровичъ доносилъ Пр. Стефану, архіепископу Суздальскому и Юрьевскому, что онъ вмѣстѣ съ архимандритомъ суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря Тимофеемъ, ключаремъ Діонисіемъ и казначеемъ старцемъ Іосифомъ осматривалъ гробницу великаго князя Бориса Георгіевича, «и въ той гробницѣ лежатъ мощи, кости цѣлы, а на мощахъ одежда бѣлою тафтою покрыта, а на верху лежитъ невѣдомо какая одежда шитая золотомъ, будто бы по байберету, на ней же вышитъ золотомъ орелъ пластаной одноглавой и отъ того орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами еще знать». Архіепископъ Стефанъ въ томъ же 1675 году доноситъ объ этомъ царю Алексѣю Михайловичу, а потомъ неоднократно и Феодору Алексѣевичу, при чемъ, между прочимъ, писалъ: «что надъ гробницами княжескими панихидъ никогда не бываетъ.... мощи Велик. Князя Бориса Георгіевича Суздальскаго въ забвеніи, безъ свидѣтельства, и память его безъ воспоминанія, такожъ и гробъ его по достоинству никакихъ украшеній

не имѣетъ». Какое послѣдовало рѣшеніе царя на это представленіе, неизвѣстно. Существуетъ мѣстное преданіе, что внизу подъ церковными сводами была устроена княжеская усыпальница, куда по предположенію графа А. С. Уварова, долженъ быть подземный ходъ. Въ 1851 году графъ пытался открыть этотъ ходъ, но безуспѣшно въ виду нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ вопросъ о склепѣ подъ Борисоглѣбскимъ храмомъ и о подземномъ ходѣ туда, до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ.

Немного достопримѣчательностей и красы протекшихъ временъ, сохранилось до нашихъ дней въ Борисоглѣбской церкви. Отмѣтимъ стильное Евангеліе старинной печати 1649 года съ такой надписью: «Лѣта 7157 мѣсяца декабря въ 29 день сострона книга Евангеліе напрестольное въ церковь къ великимъ страстотерпцамъ Христовымъ Борису и Глѣбу и Архидіакону Стефану при архимандритѣ Германѣ и при строителѣ черномъ священникѣ Ѳуфиміѣ»: На каменной колокольнѣ находится древній небольшой вѣсомъ въ 30 пудовъ колоколъ; на немъ надпись: «Въ лѣто 7066 (1558) здѣланъ сей колоколъ при царѣ Государѣ Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руссіи и Макаріи митрополитѣ. Царь Государь далъ сей колоколъ въ домъ Вознесенія Господа нашего въ Печерскій монастырь при архимандритѣ Ефакимѣ въ Новгородѣ Нижній». Когда и по какому поводу этотъ колоколъ изъ Печерскаго монастыря попалъ въ Кидекшинскій — неизвѣстно. Устное преданіе говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ Грозный, проходя черезъ Кидекшу съ войскомъ подъ Казань и нуждаясь въ свинцѣ для снарядовъ, снялъ съ Кидекшинскаго монастыря свинцовую кровлю, а впослѣдствіи, взамѣнъ ея между другими вкладами изъ Печерскаго монастыря, къ которому тогда былъ приписанъ Кидекшинскій, прислалъ и этотъ колоколъ, слитый изъ ливонскихъ орудій.

Богородице-Рождественскій Соборъ.

Слѣдующимъ по времени послѣ Борисоглѣбской церкви памятникомъ суздальской церковной старины является соборный храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, расположенный въ самомъ центрѣ Суздаля — его Кремлѣ. Строитель собора для воплощенія своей идеи не безъ основанія выбралъ именно это мѣсто, такъ какъ помимо красоты суздальскаго Кремля, мѣсто это въ древности было центромъ общенія городскихъ обы-

вателей. Здѣсь объявлялась княжеская воля, происходилъ судъ; здѣсь отдыхалъ мозгъ, а въ храмахъ успокаивалась душа.

Бывшій долгое время каѳедрой суздальскихъ іерарховъ, Богородице-Рождественскій Соборъ выросъ изъ небольшой каменной церкви построенной еще Владиміромъ Мономахомъ. Вмѣсто этого храма Великій Князь Юрій Всеволодовичъ въ 1222 году заложилъ новый бѣлокаменный храмъ.

«Въ лѣто 6730, повѣствуетъ лѣтопись, Великій Князь Георгій (Юрій) заложи церковь каменную Святыя Богородицы въ Суждали... Разобравъ старое зданіе, понежѣ уча бѣ рушиться старостью и верхъ ея впалъ бѣ». Богато украшенный храмъ черезъ полгода былъ «подписанъ и измощенъ мраморомъ краснымъ, разноличнымъ». Тогда же епископъ Митрофанъ поставилъ надъ трапезой киворій, украшенный серебромъ и золотомъ. Вскорѣ татарское нашествіе и другія неблагопріятныя событія послѣдующаго времени привели къ тому, что этотъ храмъ не только былъ лишенъ большей части своихъ украшеній, но даже началъ разрушаться и грозить паденіемъ. Только черезъ триста лѣтъ въ 1528 году Геннадій, епископъ суздальскій получилъ отъ великаго князя Василія Ивановича дозволеніе и пособіе на перестройку соборной церкви. Храмъ былъ разобранъ сверху почти на двѣ трети и на старыхъ стѣнахъ изъ бѣлаго камня были надстроены новыя стѣны. Построенный соборъ сильно отличался отъ прежняго. Теперь своды собора были укрѣплены на шести столбахъ; прежнія три церковныхъ главы смѣнились пятью и были покрыты оловомъ; крыша приняла видъ четырехскатной. При постройкѣ перваго собора Юрій за образецъ взялъ характерные владимірскіе соборы. Еще и теперь при детальномъ знакомствѣ съ архитектурой Богородице-Рождественскаго Собора, бросаются въ глаза типичные признаки церковной архитектуры XII—XIII вѣковъ. Вся нижняя часть собора выложена изъ бѣлаго камня, стѣны украшены аркадами въ видѣ пояса, богато декорированнаго орнаментальной рѣзьбой; по пилястрамъ арочнаго пояса сохранились отдѣльныя плиты съ высѣченными на нихъ женскими головами и фигурными львами; порталы по тягамъ арокъ, а также по концамъ покрыты разводами и узорами, высѣченными изъ камня и содержащими внутри фигурки звѣрей, птицъ, фантастическихъ животныхъ и мотивы орнаментальнаго характера.

25 марта 1577 года въ Суздалѣ произошолъ большой пожаръ, отъ котораго сильно пострадалъ и соборъ, возстановленный потомъ суздальскимъ епископомъ Варлаамомъ I. Впрочемъ въ возобновленномъ видѣ соборъ стоялъ очень не долго. Вначалѣ XVII вѣка онъ былъ ограбленъ буйною толпою поляковъ

Покровскій женскій монастырь.

Западное крыльцо Покровскаго монастыря.

и литовцевъ, занявшихъ Суздаль подъ предводительствомъ Лисовскаго. Соборъ стоялъ опустошеннымъ болѣе полугода, пока городъ не былъ очищенъ отъ непріятеля. Въ 1635—1636 году суздальскій архіепископъ Серапіонъ привелъ по повелѣнію Михаила Феодоровича обезображенный и разграбленный поляками соборъ въ прежнее положеніе, украсивъ внутренность его лучшимъ въ то время живописнымъ художествомъ. Кромѣ того Серапіонъ соорудилъ близъ собора каменную шатровую колокольню. Въ концѣ XVII вѣка суздальскій митрополитъ съ разрѣшенія царя Феодора Алексѣевича произвелъ реставрацію собора, снялъ надгробные камни, стѣснявшіе соборъ, уничтожилъ хоры, занявшіе половину верха и вмѣсто узкихъ оконъ построилъ большія, такъ что въ соборѣ стало просторно и свѣтло. Тотъ же митрополитъ Иларіонъ устроилъ въ соборѣ новый иконостасъ, выгодно размѣстивъ въ немъ иконы. Возобновленный соборъ былъ богато снабженъ церковной утварью, отличался величественностью и блестѣлъ внутреннимъ убранствомъ. Заканчивая описаніе Иларіонова собора суздальскій лѣтописецъ замѣчаетъ: «Содѣла ту церковь весьма прекрасну и пресвѣтлу и пространну, которая нынѣ паче многихъ перво-престольныхъ архіерейскихъ соборныхъ церквей красотой и благолѣпіемъ презобиловати можетъ». Къ сожалѣнію эта счастливая эпоха въ исторіи собора была непродолжительна. Грандіозный пожаръ 1719 года уничтожилъ суздальскія церкви и дома обывателей. Пострадалъ и соборъ. Крыши и главы сдѣланныя изъ олова растопились и верхній ярусъ въ соборѣ обрушился. Въ пламени погибло много драгоцѣнностей церковной ризницы, княжескихъ и царскихъ вкладовъ. Тогда же сгорѣлъ «безъ остатку» и бывшій изстари въ соборѣ балдахинъ съ двухглавымъ орломъ на верху, устроенный надъ каменнымъ «государевымъ» мѣстомъ. Окончательно соборъ былъ возобновленъ епископомъ Порфиріемъ; вмѣсто прежнихъ деревянныхъ крышъ онъ на колокольнѣ и соборѣ устроилъ желѣзныя, большую соборную главу покрылъ краснымъ листовымъ золотомъ, исправилъ стѣнную живопись внутри собора и возобновилъ каменную ограду.

Суздальскій соборъ по своему теперешнему виду сильно напоминаетъ Успенскій Соборъ въ Москвѣ, по своимъ же основнымъ чертамъ и нѣкоторымъ деталямъ въ украшеніяхъ онъ вполнѣ подходитъ подъ типъ древнихъ Владиміро-Суздальскихъ церквей. Планъ собора византійскій съ шестью столбами и тремя абсидами. Пилястры по вертикальному направленію дѣлятъ стѣны на четыре фаса, заканчивающихся сверху полукруглыми арками. Древній характеръ храма сохранился превосходно.

При входѣ въ соборъ первое, что бросается въ глаза—это

плоскій безъ всякой рѣзьбы величественный иконостасъ съ знаменитыми иконами Симона Ушакова. Иконы держатся пазами и только внизу иконостаса подъ мѣстными образами имѣются тумбы рѣзной работы.

Въ соборѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя западныя и южныя входныя двери, извѣстныя подъ именемъ «корсунскихъ». Двери представляютъ собою замѣчательный памятникъ древне-русскаго искусства XII вѣка и по мнѣнію академика Н. П. Кондакова поставлены можетъ быть самимъ строителемъ собора княземъ Юріемъ. Онѣ двухстворчатыя, колоссальныхъ размѣровъ, состоятъ изъ массивныхъ досокъ, снаружи обитыхъ желѣзомъ, а изнутри мѣдными листами, образующими на каждой двери 28 квадратныхъ пластинокъ или «тябелъ» украшенныхъ живописью. Каждое тябло со всѣхъ сторонъ обрамлено продольными и поперечными валиками, орнаментированными насѣчкою. Насѣчка образуетъ разводы со вписанными въ нихъ пальметками обычнаго византійскаго типа. На среднемъ валикѣ размѣщены разводы и погрудныя изображенія святыхъ въ медальонахъ. Рисунокъ выполненъ золотой насѣчкой по красной мѣди, отъ времени принявшей цвѣтъ темной бронзы. Сюжеты сопровождаются славянскими надписями уставомъ прекраснаго письма; гдѣ рисунокъ не достигаетъ низа, тамъ подъ нимъ орнаментальныя полоски.

Западныя двери покрыты 24 сценами Новаго Завѣта въ слѣдующемъ порядкѣ: вверху въ четырехъ поляхъ представлены: ветхозавѣтная Троица или три отрока въ гостяхъ у Авраама и погрудное изображеніе Іисуса Христа Вседержителя въ медальонѣ, окруженномъ четырьмя евангельскими ликами; въ двухъ угловыхъ тяблахъ по сторонамъ—херувимъ и серафимъ, славящій Спаса и тріединаго Творца. Далѣе слѣдуютъ по надписи «Зачатіе», гдѣ Іоакимъ и Анна представлены обнимающими на площади среди зданій, потомъ Рождество Богородицы, Введеніе во Храмъ, Благовѣщеніе. Въ третьемъ ряду находятся Рождество Христово, Срѣтеніе Господне, Крещеніе и Преображеніе. Въ Крещеніи имѣется любопытная деталь—рядомъ съ Христомъ въ рѣкѣ стоитъ высокая колонка на каменномъ пьедесталѣ, увѣнчанная крестомъ; ниже представлено воскрешеніе Лазаря, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Распятіе съ предстоящими Іоанномъ и Маріей, но безъ головы Адамовой подъ крестомъ. Интересно исполнено «Явленіе Ангела женамъ мироносицамъ у входа въ гробъ», при чемъ гробъ трактованъ не въ духѣ обычнаго античнаго мавзолея, а ввидѣ пещеры въ низкой скалѣ. Слѣдуетъ отмѣтить рѣдкую сцену «Святыя Богородицы несутъ тѣло ко гробу»—четыре ангела несутъ ложе съ умершей и въ это время

Икона Богоматери въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ.

слетѣвшій съ неба ангелъ отрубаетъ Ананіи, шедшему сзади, руки. Въ послѣднемъ ряду заслуживаютъ вниманія: «Положеніе Честныя Ризы» и «Успеніе Пресвятыя Богородицы». Первая изъ названныхъ композицій обнаруживаетъ въ художникѣ большого фантаста, а во второй неестественность позы Богоматери какъ бы искупается богатствомъ и яркостью красокъ. Въ сценѣ «Положенія пояса Богородицы» интересно задумано Вознесеніе Божьей Матери, несомой на небо двумя ангелами въ миндалевидномъ ореолѣ. Послѣдняя сцена озаглавлена Покровъ Святыя Богородицы и является древнѣйшимъ толкованіемъ распространенной темы: въ небѣ виденъ благословляющій Спаситель, а подъ нимъ большое покрывало, какъ бы по волѣ Бога спускающееся съ неба. Подъ этимъ покрываломъ съ воздѣтыми руками стоитъ Богоматерь, а по сторонамъ ея четыре Ангела въ живомъ собесѣдованіи.

Въ самомъ низу въ пышныхъ разводахъ представлены бѣгущіе львы и грифы; орнаментальный верхъ образуютъ пара драконовъ или василисковъ.

Медальоны средняго валика содержатъ изображенія Святыхъ: Феодора, Іоанна, Митрофана и др.

На Южныхъ дверяхъ начиная съ угловсго тябла лѣвой створки и идя по семи геризонтальнымъ поясамъ во главѣ ряда ветхозавѣтныхъ сценъ мы встрѣтимъ: Св. Троицу, ввидѣ трехъ ангеловъ съ прислуживающимъ Авраамомъ, затѣмъ Архангела Михаила въ ореолѣ, повергающаго сатану въ земныя нѣдра. Надпись здѣсь поясняетъ событіе: «Сверженъ бысть сатана Архангеломъ Михаиломъ со отступными его силами и бѣси наречены быша». На правой створкѣ въ томъ же ряду читаемъ по надписи: «Сотвори Богъ человѣка по образу своему и подобію и дуну въ лице его духъ животенъ и бысть человѣкъ въ душу живу». Богъ изображенъ здѣсь въ образѣ второго лица Св. Троицы, или Бога Слова и Спасителя, иначе геворя въ историческомъ типѣ Богочеловѣка; Адамъ не лежитъ на землѣ какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но стоитъ какъ статуя, на которую походитъ, кстати сказать и бѣлымъ цвѣтомъ не оживотворенного еще тѣла. Далѣе въ изображеніи «Ангелъ Господенъ изгоняетъ Адама и Еву изъ Рая» представлено, какъ Ангелъ толкаетъ неохотно идущихъ нашихъ прародителей; сзади Ангела запечатанная дверь. Въ слѣдующемъ поясѣ помѣщена извѣстная сцена обработки земли мотыгою и прядущей Евы съ такой надписью: «Отъ Архистратига Михаила научаемъ Адамъ ральцемъ землю копая потомъ съ трудомъ питатеся осужденъ бысть». Авель приноситъ даръ Богу—новорожденнаго Агнеца—въ небѣ видна благославляющая десница.

Не безъ претензіи на извѣстную эрудицію задумана сцена «Адамъ нарицаетъ имена звѣрямъ», помѣщенная въ томъ же ряду. Сзади сидящаго Адама стоитъ окруженная различными звѣрями Ева. Здѣсь левъ, олень, волъ, единорогъ и драконъ. Въ третьемъ поясѣ «Видѣніе Яковомъ таинственной лѣстницы» съ изображеніемъ Господа ввидѣ символической десницы въ небѣ. Единоборство Ангела Божія съ Іаковомъ происходитъ среди изящнаго горнаго пейзажа.

Тябла четвертаго ряда не представляютъ изъ себя чего либо выдающагося. Здѣсь обычная разработка евангельскихъ, весьма посредственно исполненныхъ темъ. Тябла эти позднѣйшаго происхожденія и подъ рипидой архангела или фигурой Авраама скрыты вѣроятно другія, болѣе лучшія ранніе изображенія. Въ пятомъ ряду идетъ буквальная передача разсказа о потопленіи ангеломъ городовъ Содома и Гоморры.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ иконахъ Рождественскаго Собора и вспомнимъ XVII вѣкъ и его значеніе въ исторіи русскаго иконописанія. Большое впечатлѣніе оставляетъ икона Господа Вседержителя на тронѣ, держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: «Аще кто слово мое соблюдетъ живъ будетъ во вѣкъ». Интересны отдѣльные психологическіе моменты превосходной иконы Ветхозавѣтной Троицы, помѣщенной передъ ракой перваго суздальскаго епископа Святителя Іоанна, скончавшагося здѣсь въ 1023 году. Въ сѣверо-западномъ углу собора передъ гробницей митрополита Илларіона поставленъ современный портретъ его въ ростъ въ томъ самомъ златотравчатомъ саккосѣ, который былъ пожертвованъ ему царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, весьма любившимъ и уважавшимъ добродѣтельнаго митрополита. Проста и изящна по своей композиціи икона Іоакима и Анны въ моленіи передъ Богомъ-Саваоѳомъ, среди фигуръ здѣсь между прочимъ нарисованъ Рождество Пресвятыя Богородицы.

Въ алтарѣ придѣла Феодора и Іоанна взоръ отдыхаетъ на иконѣ Знаменія, гдѣ Богоматерь окружена символами и евангелистами. Къ сожалѣнію икона испорчена позднѣйшей реставраціей. Внизу иконы рядъ кровавыхъ эпизодовъ изъ исторіи борьбы Суздаля и Новгорода. Хорошо изучилъ это памятное событіе 25 февраля 1169 года анонимный художникъ. Чувствительное имъ въ разсказѣ или рисункѣ «чудо» оставило на немъ неизгладимый слѣдъ. Онъ воплотилъ его въ иконѣ Знаменіе, удивительно передавъ слезы на очахъ заступницы. Положенія бѣгущихъ въ разсыпную суздальцевъ естественны и реальны, но лучше переданы новгородцы, изумленные слезами Богоматери.

Съ точки зрѣнія церковной археологіи интересенъ еще об-

разъ Нерукотвореннаго Спаса, писанный на полотнѣ и принесенный по преданію суздальскимъ просвѣтителемъ изъ Греціи въ 990 году. Гордость Богородице-Рождественскаго собора, образъ этотъ ежегодно стягиваетъ къ себѣ не одну тысячу богомольцевъ; съ чисто технической иконописной точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія четыре такъ называемыхъ «Корсунскихъ» иконы, превосходнаго греческаго письма. Чудотворная Смоленская икона Пресвятой Богородицы интересна скорѣе со стороны богатства ризы, каменьевъ и жемчуга, которыми она буквально усыпана.

Изъ другихъ предметовъ церковной древности суздальскаго собора обратимъ вниманіе на два Евангелія, колоссальнаго историческаго и художественнаго интереса изъ которыхъ одно по преданію пожаловано царевной Софьей Алексѣевной, а другое ея братомъ Ѳеодоромъ. Послѣднее является частью большого «вклада на поминъ» 1677 года, внесеннаго судя по надписи вмѣстѣ съ кадиломъ, архіерейской шапкой и церковной утварью «повелѣніемъ отца своего блаженной памяти Великаго Государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича».

Евангеліе царевны Софіи Алексѣевны, находящееся въ главномъ алтарѣ собора по внѣшнему своему виду представляетъ большой томъ, размѣромъ 23½ на 17¾ вершковъ. Верхняя доска Евангелія массивная серебряная, задняя малиноваго бархата съ серебрянымъ крестомъ по срединѣ. На верхней доскѣ вырѣзана надпись: «Единородный сынъ и Слово Божіе, иже отъ отца прежде вѣкъ рожденный и нашего ради спасенія въ послѣдняя лѣта отъ Приснодѣвы Маріи изволи плоть пріяти». Центральный круглый медальонъ верхней крышки занятъ изображеніемъ Деисуса Господа вседержителя на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ рукахъ. По сторонамъ Спасителя Богоматерь и Іоаннъ Предтеча со свиткомъ. На заднемъ фонѣ комнаты изображенъ городъ. Въ кругахъ фигуры 12 апостоловъ, выше изображеніе Св. Духа; въ самомъ верху въ облакахъ Господь-Саваоѳъ, окруженный небесными силами. Внизу крышки изображеніе 70 апостоловъ.

На задней сторонѣ переплета на крестѣ внизу подписи Афанасія Трухменскаго и Андрея Бланкостина.

Съ именемъ Андрея Кашперова Бланкостина по мнѣнію В. Н. Троицкаго [1]), связано представленіе о геніальномъ иноземцѣ, мастерѣ золотого и серебренаго дѣла, которому поручались всевозможныя отвѣтственныя чеканныя работы. Что ка-

[1]) „Словарь художниковъ золотого и серебрянаго дѣла XVII вѣка при московскомъ Патріаршемъ Дворѣ"—Москва, 1914 г. Стр. 9 и слѣд.

сается до Афанасія Трухменскаго, то послѣдній, какъ и Симонъ Ушаковъ состоялъ на царской службѣ и считался лучшимъ «знаменьщикомъ» или граверомъ XVII вѣка. Его рѣзецъ былъ необыкновенно тонокъ и красивъ; гравюры его правда не безъ западнаго вліянія уже въ значительной степени освобождены отъ традиціоннаго однообразія.

Можно сказать, что по каллиграфіи и отдѣлкѣ рисунковъ Евангеліе Софіи Алексѣевны составляетъ вѣнецъ искусства XVII вѣка. Миніатюры Евангелія жизненны, просты и доступны пониманію каждаго, а удивительно стильныя рамки и заставки обнаруживаютъ недюжинный талантъ художника.

Евангеліе царевны Софіи послужило А. И. Успенскому предметомъ особаго изслѣдованія, часть котораго уже опубликована въ его трудѣ «Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка». Евангеліе написано краснымъ полууставомъ въ два столбца на александрійской бумагѣ. На первомъ листѣ евангелія представленъ 12-лѣтній Іисусъ въ храмѣ. Превосходная миніатюра блещетъ многими достоинствами чисто графическаго характера. Знаніемъ глубокой техники дышитъ причудливый орнаментъ въ духѣ барокко; тонкія, едва замѣтныя спирали двухъ колонокъ миніатюры чередуются съ листьями аканта и различными стилизованными арабесками. Особенно красивъ нижній орнаментъ миніатюры, темой для котораго послужила фантастическая птица Востока. На фонѣ этого несложнаго сюжета художникъ создалъ цѣлую симфонію: рогъ птицы онъ обратилъ въ завитокъ, брошенный въ массовыхъ изгибахъ арабески. Верхній орнаментъ по своему характеру является полной противоположностью нижнему. Если послѣдній основанъ исключительно на фантастикѣ и чисто восточной экзотикѣ, то первый поражаетъ своей исключительной простотой. Въ отдѣльныхъ завиткахъ его видно чисто христіанское смиреніе; благополучно разрѣшаются здѣсь нѣкоторая запутанность и нагроможденіе деталей; растительные мотивы верхняго орнамента взяты въ контрастъ живописнымъ мотивамъ нижняго. Общій ансамбль и яркость красокъ дополняютъ цѣльность впечатлѣнія, заставляя долго любоваться превосходной миніатюрой.

На оборотѣ листа—евангеліе отъ Іоанна глава VII.

Далѣе идетъ символъ евангелиста Матѳея—Ангелъ съ Евангеліемъ, раскрытымъ на словахъ: «Книга рождества Іисуса Христа сына Давидова, сына Авраамля». Внизу надпись: «Лице человѣчо[illegible] признаменуемъ, яко писаніе о вочеловѣченіи Христа, сына Божія». Потрясаетъ наблюдателя миніатюра съ изображеніемъ символа евангелиста Марка съ евангеліемъ въ лапахъ. Это крылатый левъ въ нимбѣ съ богато выраженной мускулатурой и прекрасно вы-

Ризница Спасо-Евфиміева монастыря.

раженнымъ человѣческимъ лицомъ. Строгое выраженіе лица и глазъ нѣсколько смягчено. Левъ застылъ въ своей позѣ; онъ терпѣливъ и на рисункѣ воплощенъ скорѣе для кроткаго увѣщеванія грѣшниковъ, чѣмъ для устрашенія пустыни. Символъ евангелиста Луки-крылатый олень съ женоподобнымъ торсомъ и пояснительной надписью внизу задуманъ въ иномъ стилѣ. Уступая, пожалуй, по силѣ и экспрессіи символу евангелиста Марка, крылатый олень задуманъ въ духѣ перваго «благо-вѣстительства» Луки и подкупаетъ именно своею простотою. Умные глаза животнаго устремлены въ землю; какъ вкопанный стоитъ олень, держа евангеліе на вытянутой лапѣ. По представленію художника евангелистъ Маркъ олицетворяетъ собой силу и мощь, евангелистъ Лука, напротивъ, идеалъ кротости и смиренія.

Простой и скромный снаружи и нѣсколько мрачный внутри, Б-городице-Рождественскій Соборъ является церковно-археологическимъ музеемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Шедевры суздальской иконописи «классическаго» періода чередуются здѣсь съ великолѣпными вышивками золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями. Тончайшія работы по золоту и серебру въ свою очередь мелькаютъ на фонѣ старинныхъ облаченій и тканей. Превосходныя работы безвѣстныхъ художниковъ и художницъ переносятъ насъ въ міръ прошлаго, міръ покоя, чуждый суетности и тщеславія. Красивый отголосокъ далекой эпохи, предметы церковной старины служатъ живыми памятниками минувшаго, которому никогда, никогда не суждено болѣе возвратиться!

Еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ воспоминаніяхъ минувшаго некрополь Б-городице-Рождественскаго Собора. Не одинъ десятокъ лицъ нашли себѣ вѣчный покой подъ сводами древняго храма. На первый листъ синодика погребенныхъ здѣсь крупными буквами вписано имя благовѣрнаго князя Святослава Юрьевича, скончавшагося 11 января 1174 года; слѣдующія страницы синодика заняты отдѣльными представителями древнихъ родовъ князей Суздальскихъ, Ноготевыхъ, Горбатовыхъ, Кислыхъ, Рѣпьскихъ и Скопиныхъ. Кромѣ нихъ здѣсь погребены суздальскіе архіепископы и митрополиты съ Арсеніемъ Эласонскимъ и архіепископомъ Иларіономъ во главѣ. Особое, ничѣмъ не выражаемое чувство охватываетъ каждаго проходящаго мимо этихъ могилъ. Вотъ высокая, сухая фигура Арсенія-Грека, получившаго извѣстность въ смутное время. Высокообразованный и прямолинейный по характеру, Арсеній заставилъ перваго самозванца повиниться и не духу открыться ему во всемъ. Вотъ «собиратель» Суздали и его молитвенникъ—архіепископъ Сер-

пісанъ; вотъ, наконецъ, гробница перваго суздальскаго митрополита Иларіона съ большимъ, уже знакомымъ намъ его портретомъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ Богородице-Рождественскій Соборъ. Невольное очарованіе и чувство молитвеннаго экстаза сильнѣе захватываютъ въ ясный лѣтній день, при закатѣ солнца, когда заходящіе лучи его золотятъ иконостасъ, переливаясь тысячью разноцвѣтныхъ огней на вышивкахъ, пеленахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Отдыхаетъ душа и только гулкіе, торопливые шаги запоздалаго богомольца способны вырвать васъ изъ міра волшебныхъ грезъ и вернуть къ дѣйствительности.

Ризположенскій монастырь.

Среди суздальскихъ монастырей до монгольской эпохи Ризположенскій женскій монастырь, поэтично раскинувшійся въ самомъ людномъ мѣстѣ современнаго Суздаля—близъ Кремля и рѣчки Каменки заслуживаетъ самаго обстоятельнаго изученія.

Мѣстность, гдѣ расположенъ монастырь въ древности считалась посадской, находясь внѣ городскихъ укрѣпленій, насыпныхъ валовъ, стѣнъ и башенъ. Теперь стѣнъ уже нѣтъ; раскопана и застроена большая часть валовъ; въ числѣ другихъ уничтоженъ и валъ, на которомъ нѣкогда стоялъ суздальскій «колодный» острогъ. Время основанія монастыря съ точностью опредѣлить невозможно. По сказанію соборнаго ключаря Ананіи Федорова, монастырь былъ основанъ въ 6715 (1207) году и широкую извѣстность пріобрѣлъ во время подвижничества здѣсь преподобной Ефросиніи, дочери замученнаго въ ордѣ князя Михаила Черниговскаго.

Преподобная Евфросинія, въ міру Ѳеодулія, родилась въ 1212 году и была старшей въ семьѣ. Біографъ Евфросиніи, инокъ Григорій передаетъ ходившую въ монастырѣ легенду объ ея рожденіи. По этой легендѣ рожденіе Евфросиніи было испрошено молитвами родителей и предсказано имъ заранѣе. Пятнадцати лѣтнюю Евфросинію обручили съ потомкомъ варяжскаго князя Шимона, Миною, который владѣлъ недвижимостью въ Суздалѣ и жилъ здѣсь. Во время поѣздки обученной невѣсты въ Суздаль, ея женихъ внезапно скончался; смерть любимаго человѣка въ корнѣ перевернула жизнь молодой княжны. Она навсегда осталась въ Суздалѣ и, посвятивъ себя иноческой жизни, постриглась въ Ризположенскомъ монастырѣ подъ именемъ Евфросиніи.

Здѣсь молодая инокиня проводитъ всю жизнь въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ и не будучи никогда игуменьей, заводитъ въ монастырѣ «устрой и благочиніе». Тотъ же Григорій утверждаетъ, что молитвы Евфросиніи спасли монастырь отъ татарскаго разоренія 1238 года. Скончалась Евфросинія въ 1258 году и была погребена въ монастырскомъ храмѣ.

13 августа 1769 года отъ «купецкихъ домовъ» въ Суздалѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго пострадала значительная часть города; загорѣлся и Ризположенскій монастырь, въ которомъ всѣ деревянныя постройки выгорѣли «безъ остатку». Пожаръ, уничтожившій много монастырскаго имущества, былъ такъ силенъ, что мѣдные колокола на колокольнѣ растопились, а мощи Св. Евфросиніи едва были вынесены изъ сферы огня и помѣщены въ приходской церкви праведнаго Лазаря [1]).

Соборный храмъ Ризположенскаго монастыря во имя Положенія Ризы Пресвятой Богородицы во Влахернѣ, судя по архитектурнымъ особенностямъ его и нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, построенъ во второй половинѣ XVI вѣка. Храмъ одноэтажный, имѣетъ квадратную форму съ тремя абсидами и вертикальнымъ дѣленіемъ наружныхъ стѣнъ пилястрами на фасы. Три главы храма луковичной формы на высокихъ трибунахъ и желѣзная четырехскатная кровля обратили на себя вниманіе знатока русскаго зодчества академика В. В. Суслова. Послѣдній, изслѣдуя вопросъ кто были строителями Ризположенской церкви, полагалъ, что она была построена новгородскими мастерами [2]). Писцовая книга Суздаля 1617 года ясно говоритъ, однако, что строителями соборной Ризположенской церкви явились суздальскіе уроженцы.

Чтобы покончить съ наружнымъ видомъ храма, остановимся еще на описаніи паперти, съ трехъ сторонъ окружающей церковь. Она построена въ 1688 году суздальскими мастерами Маминымъ, Шмаковымъ и меньшимъ Грязновымъ «съ товарищи». Замѣчательно, что сѣверная и южная часть паперти лишена всякихъ украшеній—двери той и другой стороны простыя; два окна съ каждой стороны лишены наличниковъ и карнизовъ. Зато западная часть паперти являетъ цѣлый рядъ превосходныхъ украшеній, свойственныхъ русскому зодчеству второй половины XVII вѣка. Дверь западной паперти представляетъ собой роскошный порталъ изъ пяти паръ тонкихъ полуколонокъ, укра-

---

[1]) Гр. М. В. Толстой, „Путевыя письма изъ древней суздальской области". Москва. 1869 года. Стр. 52.

[2]) В. В. Сусловъ „Матеріалы къ исторіи Новгородско-Псковской архитектуры" стр. 19.

шенныхъ бусами, жгутиками и кубариками. Неправильной формы арки очень красивы и оригинальны. Очень характерно намѣренное уклоненіе отъ правильной формы полукруглой арки, свойственное древне-русскимъ строителямъ. Живая и свободная линія избавляетъ рисунокъ отъ сухости деталей и умѣлое примѣненіе въ строительномъ творчествѣ составляетъ особый вкусъ древне-русскаго художника.

Строитель собора много поработалъ надъ украшеніемъ двухъ оконъ по сторонамъ входныхъ дверей, украшенныхъ богатыми наличниками, напоминающими рѣзное деревянное дѣло. Верхній карнизъ кирпичными перемычками раздѣленъ на шесть квадратовъ со вставленными въ нимъ разноцвѣтными изразцами прекрасной работы. Узоры изразцовъ являютъ чисто русскіе мотивы; они наведены различными красками желтой, зеленой и коричневой прямо на бѣлой поливѣ или въ смѣси съ нею, такъ, что глина совсѣмъ не видна подъ краской; рисунокъ орнаментныхъ травъ, цвѣтовъ и кувшиновъ русской формы ярокъ, блестящъ и нѣсколько выпуклъ. Наличникъ по обѣимъ сторонамъ окна состоитъ изъ тѣхъ же висячихъ полуколонокъ, украшенныхъ ромбиками, жгутиками, бусами съ висячей гирькой по концамъ. Пространство между окнами и дверями выполнено изящными ширинками,—особыми архитектурными мотивами, состоящими изъ двухъ одинъ надъ другимъ расположенныхъ квадратовъ съ впадинами, заполненными цвѣтными изразцами. Надъ квадратами тянется карнизъ съ кокошникомъ.

Къ сожалѣнію въ Ризположенской церкви время и пожары уничтожили все древнее и иконостасъ и иконы. Нынѣшній иконостасъ посредственной работы, тяжелъ и не представляетъ изъ себя ничего стильнаго. Иконы перваго яруса писаны не ранѣе второй половины XVIII вѣка, нѣсколько разъ подновлялись и исправлялись. Въ южной паперти по правую сторону отъ входной двери сохранился очень цѣнный для историка суздальскаго иконописанія образъ Распятія съ Предстоящими, работы Бабухина и Іонинова. Другой интересной иконой, правда сѣверной части паперти, является образъ Іоанна Предтечи, ввидѣ крылатаго Ангела, по типу своему принадлежащій къ такъ называемымъ «греческимъ письмамъ» изъ стараго иконописнаго деисуса.

Другая интересная церковь монастыря—Троицкая—построена въ самомъ концѣ XVII вѣка, являясь типичными образцомъ русскаго зодчества того времени. Архитектора и спеціалисты-археологи до послѣднихъ дней не обращали на Троицкую цер-

Ворота и башни Покровскаго женскаго монастыря.

ные данные къ сожалѣнію не могутъ дать прямого отвѣта на этотъ вопросъ, а церковная лѣтопись опредѣляетъ лишь время ея постройки—1700 годъ, называя строителями ея суздальскихъ благотворителей братьевъ Лихонинныхъ.

То же подтверждается и намогильными плитами Василія и Лифисы Лихонинныхъ на кладбищѣ Троицкой церкви. По мнѣнію В. Т. Георгіевскаго строителями Троицкой церкви и колокольни при ней можно считать суздальскихъ посадскихъ людей Шмакова, Мамина и Грязного, строившихъ, какъ мы видѣли, входныя двери Ризположенскаго монастыря.

Внутреннее устройство Троицкой церкви переноситъ насъ ко второй половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь интересна большая икона Страшнаго Суда, находящаяся на папертн около входныхъ дверей. Она представляетъ собой рѣдкій памятникъ суздальскаго иконописнаго искусства, датированный надписью: «Писанъ сей образъ 1780 года. Писалъ Петръ Горшковъ». Огромная около 3 аршинъ въ длину икона заключаетъ въ себѣ полный переводъ сюжета Страшнаго Суда Божія, какъ онъ сложился къ концу XVIII вѣка съ изображеніемъ мытарствъ и различныхъ мученій грѣшниковъ за разные грѣхи.

Каменная ограда, опоясывающая Ризположенскій и Троицкій монастыри, построена въ разное время. По даннымъ суздальской писцовой книги 1628 года ограда вначалѣ была деревянной, и была замѣнена затѣмъ «съ приходу» т.-е. съ южной стороны каменной стѣной, работы Мамина и Шмакова.

Самымъ замѣчательнымъ сооруженіемъ древней монастырской ограды являются Святыя Ворота съ двумя шатровыми башнями въ южной монастырской стѣнѣ. Время постройки этихъ воротъ относится къ періоду строительной дѣятельности Мамина и Шмакова съ товарищами. По архитектурѣ, общей композиціи и отдѣльнымъ деталямъ сооруженія, академикъ Суслов относитъ постройку Святыхъ воротъ къ послѣднимъ годамъ XVII столѣтія. Одной изъ характерныхъ деталей прошлаго времени, онъ, между прочимъ, считаетъ два перекрытыхъ коробовыми сводами проѣзда подъ воротами. Помѣщеніе надъ сводами завершается двумя шатровыми башнями съ луковичными главками и крестами на длинныхъ шейкахъ.

Декоративное убранство наружнаго фасада Святыхъ Воротъ выдержано въ духѣ орнаментаціи Троицкой колокольни. Верхній карнизъ подъ крышей украшенъ «сухариками» (зубцами) и широкимъ поясомъ квадратныхъ ширинокъ. Низъ башни съ двумя проѣздами большимъ и малымъ цѣликомъ, очевидно, взятъ съ

Спасо-Преображенскій соборъ. Южныя двери.

башни Спасо-Евфиміевскаго монастыря, ея верхушка, по мнѣнію В. Т. Георгіевскаго считающаяся необычнымъ явленіемъ въ исторіи Суздальской архитектуры, можетъ быть сопоставлена съ башней Московскихъ Воскресенскихъ воротъ.

Башни монастырской ограды построены въ разное время и часть ихъ въ настоящее время уже уничтожена.

Характернымъ показателемъ времени постройки каменныхъ зданій Ризположенскаго и Троицкаго монастырей являются цвѣтные изразцы, украшающіе фасады этихъ зданій.

Почти всѣ изразцы фасадовъ монастырскихъ зданій имѣютъ одинаковый характеръ. Большинство изъ нихъ зеленаго цвѣта съ выпуклыми украшеніями рудожелтыхъ, синихъ, пурпурныхъ, лимонныхъ и тѣлесныхъ цвѣтовъ. Рисунокъ изразцовъ представляетъ или законченный видъ или цѣлый узоръ ввидѣ щитовъ съ разводами или травами, цвѣтами или наконецъ ягодками.

Въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія цвѣтные изразцы вытѣсняются изразцами гладкими, однотонными, безъ узоровъ. Травные орнаменты, заимствованные изъ русской деревянной рѣзьбы, уступаютъ мѣсто живописи; на кафляхъ появляются отдѣльныя фигуры людей, птицъ, звѣрей и даже цѣлыя сцены изъ библейскихъ событій, или шутливыя и претензіозныя, заимствованныя изъ нѣмецкихъ и польскихъ куншт-овъ. Такъ на одной печкѣ, до сихъ поръ сохраняющейся въ суздальскомъ уѣздѣ, превосходно передана сюжетъ изъ исторіи Іосифа Прекраснаго. Оригинальна и по своему характерна печь въ кельи казначеи Покровскаго Суздальскаго монастыря. На каждомъ изразцѣ этой печки, принадлежавшей ранѣе царицѣ Евдокіи Лопухиной, находится рисунокъ съ поясни-ельной надписью. Среди этихъ рисунковъ съ изображеніемъ тюльпана, напримѣръ, связана надпись: «духъ его сладокъ». На другомъ изразцѣ, тамъ гдѣ нарисована сидящая въ размышленіи молодая дѣвушка, написано: «Охота моя со мною». Подъ изображеніемъ юноши, указующаго на небо, надпись: «Что тамо азъ не знаю».

Современная ризница Ризположенскаго монастыря занимаетъ особое помѣщеніе въ сѣверной и сѣверо-западной части галереи Троицкой церкви. Къ сожалѣнію нѣкогда богатая ризница мало сохранила намъ древнихъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей. Оставшіеся послѣ опустошеній и пожаровъ предметы насчитываются теперь единицами, цѣнными однако, во всѣхъ отношеніяхъ.

Древнѣйшимъ изъ девяти напрестольныхъ крестовъ монастырской ризницы считается серебряный, вызолоченный съ жемчугомъ восьмиконечный крестъ 7149 (1641) года. Лицевая сторона его занята Распятіемъ. Крестъ выполненъ чеканнымъ травнымъ выпуклымъ орнаментомъ, повторяющимъ обычный мотивъ русскаго орнамента трилистникъ.

Тотъ же глубокій травной орнаментъ покрываетъ и обратную сторону креста, красиво перемѣшиваясь здѣсь съ изображеніями суздальскихъ чудотворцевъ Феодора и Іоанна и Преподобной Евфросиніи суздальской. Здѣсь же надпись: «Лѣта 1641 году сей крестъ сдѣланъ бысть повелѣніемъ смиреннаго Серапіона, архіепископа суздальскаго и тарусскаго мѣсяца Ноября 21 день».

Въ монастырской ризницѣ хранятся два серебряныхъ кадила замѣчательной работы XVII вѣка: одно изъ нихъ вкладъ князя и княгини Шуйскихъ, а другое является прикладомъ посадской вдовы Елены Лихониной на вѣчное поминовеніе ея родителей.

Кадило Д. И. Шуйскаго въ формѣ четырехугольнаго храма съ коробовымъ сводомъ, луковичной главкой и восмиконечнымъ крестомъ, является превосходнымъ памятникомъ ювелирной работы неизвѣстнаго талантливаго суздальца, съумѣвшаго въ своей работѣ сочетать поразительное знаніе техники чеканнаго дѣла съ извѣстной простотой, не лишенной изящества и гармоніи. Орнаментъ колонокъ поддона и отдѣльныя мелочи кадила: цѣпочки, колечки и верхняя крышечка—оригинальны и неподражаемо красивы. Надпись на поддонѣ упоминаетъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго и его жену Екатерину Григорьевну, дочь Малюты Скуратова, которую народная молва обвинила въ отравленіи извѣстнаго героя смутнаго времени М. В. Скопина-Шуйскаго и насильственную смерть которой воспѣла въ безконечныхъ пѣсняхъ.

Другое серебряное кадило Лихониной принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ «ложчатыхъ» кадилъ; оно круглое съ выпуклыми (ложчатыми) овалами вверху. Украшеніемъ его кромѣ богатѣйшаго орнамента служитъ длинная вязевая надпись на шейкѣ и поддонѣ: «Лѣта 1642 года марта въ 30 день положили сіе кадило въ домъ Живоначальной Троицы въ дѣвичь монастырь, что въ суздалѣ посадская вдова Елена Федоровская жена Лихонина і ихъ дѣти Іванъ да Василій, за тотъ прикладъ, за нихъ Бога молити, родителей поминати».

Однимъ изъ благочестивыхъ обычаевъ древней Руси несомнѣнно являлся красивый обычай нашихъ царей, бояръ и знати жертвовать въ монастыри и приходскіе храмы въ ознаменованіе

различныхъ событій личной жизни жертвователя и его семьи различные предметы церковнаго обихода. Рожденіе сына или дочери, тяжелая болѣзнь одного изъ членовъ семьи и поминъ души его,—всѣ эти событія непремѣнно сопровождались добровольными приношеніями, свято и нерушимо сохраняемыми монастырскими ризницами [1]).

Древняя художественная вышивка какъ нельзя лучше отвѣчала указаннымъ цѣлямъ.

Среди памятниковъ художественнаго шитья въ Ризположенскомъ монастырѣ первое мѣсто по тщательности работы и высокому искусству шитья занимаетъ пелена съ изображеніемъ Преп. Евфросиніи. Преподобная вышита въ ростъ въ натуральную величину въ иноческомъ одѣяніи съ восмиконечнымъ крестомъ въ правой и свернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукахъ. Рисунокъ, по которому сдѣлано шитье поражаетъ своимъ изяществомъ и принадлежитъ хорошему мастеру-иконописцу конца XVI или начала XVII вѣка. Фонъ пелены шитъ плотной гранью золотомъ; ликъ и руки вышиты гладью, шелкомъ тѣлеснаго цвѣта съ сѣровато-матовымъ отливомъ. Контуры широко открытыхъ глазъ, высокихъ густыхъ бровей, тонкаго носа, небольшого рта и подбородка исполнены гладевымъ швомъ въ темныхъ тонахъ. Верхняя риза съ епитрахилью, головнымъ покровомъ и обувью изъ темной камки шиты шелками «денежкой съ крестиками». Красивый контрастъ темнымъ тѣнямъ даетъ «кафимекій» жемчугъ вязевой надписи, по техникѣ и исполненію далеко превосходящей другія надписи древности.

Вторая шитая пелена съ тѣмъ же изображеніемъ несмотря на внѣшнюю роскошь работы, носитъ однако отпечатокъ позднѣйшаго времени. Рисунокъ контура одежды потерялъ свой древній характеръ и отъ всей композиціи вѣетъ уже новизной.

Другими памятниками древняго шитья въ монастырской ризницѣ могутъ служить два воздуха или «ударя» и покровъ несомнѣнной работы XVII столѣтія. На большомъ покровѣ вышита сцена «Положенія во гробъ», правильнаго во всемъ согласнаго съ иконописнымъ подлинникомъ рисунка. Христосъ уже обвитый плащеницей лежитъ во гробѣ; у изголовія его Богоматерь и жены мироносицы, Іоаннъ Богословъ и Никодимъ. Не лишенная экспрессіи композиція окружена вязевой надписью: «Не рыдай мене мати».

Два воздуха повидимому одновременной работы. Воздухъ «Знаменія Богоматери» интересенъ какъ примѣръ примѣненія различныхъ техникъ древняго шитья: «денежкой», «ягодкой» съ

[1]) М. Достоевскій „Воздухъ 1593 года, вкладъ царя Ѳеодора". „Свѣтильникъ" 1913 года № 9, стр. 29.

черенкомъ», «рядками», «копытечкомъ» и т. д. На другомъ воздухѣ изображеніе младенца Христа, лежащаго на серебряномъ дискосѣ съ фигурнымъ ложчатымъ стояномъ и круглымъ поддономъ. Младенецъ нагъ; его рука приподнята и персты ея сложены двуперстно. Дискосъ подъ жемчужной звѣздицей. По сторонамъ его двѣ крупныхъ фигуры стоящихъ ангеловъ въ серебряныхъ стихаряхъ, шитыхъ «въ рогожку». Ихъ главы, перевязанныя тороками, окружены жемчужными нимбами, въ рукахъ рипиды. По каймѣ вязью вышита надпись: «Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра: за мірской животъ».

Спасо-Евфиміевъ монастырь.

На самой сѣверной окраинѣ Суздаля, на обрывистомъ берегу Каменки высятся бѣлокаменныя твердыни Спасо-Евфиміевскаго монастыря. Зубцы стѣнъ, высокая обсерваціонная башня монастыя съ бойницами, «верхнимъ боемъ», старинныя пушки и пищали и, наконецъ, рѣзныя изображенія на нѣкоторыхъ башенныхъ флюгерахъ, все это создаетъ величественную и грандіозную картину монастыря-крѣпости. Внѣшній ансамбль «опоры твердой силы» дополняется массивной оградой XVII вѣка и 11 другими монастырскими башнями, меньшими по величинѣ и болѣе свободными по архитектурѣ. Даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ создается впечатлѣніе не символическаго загражденія, отдѣляющаго отъ міра иноческую обитель, а крѣпостного сооруженія для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Исторія монастыря говоритъ, что здѣсь часто бывали упорныя битвы, рѣшавшіе иногда даже судьбы россійской державы.

Свѣдѣнія объ основателѣ монастыря и времени его основанія встрѣчаются въ житіи преподобнаго Евфимія. Согласно этого житія, монастырь былъ основанъ во второй половинѣ XIV вѣка по иниціативѣ князя Бориса Константиновича державшаго тогда «великое княженіе суздальское и новгородское». Первымъ настоятелемъ монастыря былъ преподобный Евфимій, которому князь Борисъ поручилъ вновь построенный монастырь. 52 года тихо и скромно управлялъ монастыремъ Евфимій, далъ ему прочный авторитетъ и скончался на 81 году своей жизни въ апрѣлѣ 1404 года, не оставивъ даже благодарному потомству своего мірского имени.

Мирная жизнь монастыря въ XV вѣкѣ была нарушена кровавой битвой великаго князя Василія Темнаго съ татарами, окончившейся, какъ извѣстно, плѣненіемъ великаго князя. Дѣти Ка-

Покровскій монастырь. Храмъ Благовѣщенія пр. Богородицы

Колокольня Богородице-Рождественскаго собора.

занскаго царя Улунъ Мохаммеда, царевичи Мамутекъ и Якубъ два дня отдыхали въ Спасскомъ монастырѣ, зло посмѣявшись надъ именитымъ, истерзаннымъ нравственной и физически плѣнникомъ. Снявъ съ него золотые кресты, татары въ знакъ своего торжества отправили ихъ въ Москву матери и супругѣ великаго князя.

Смута въ началѣ XVII вѣка и связанное съ ней раззореніе Россіи не миновали и Спасскаго монастыря. Архимандритъ Левкій, бывшій въ то время настоятелемъ монастыря, принимаетъ въ обитель способнаго человѣка, хорошаго рисовальщика и автора нѣсколькихъ каноновъ святымъ. Ровно годъ прожилъ въ монастырѣ этотъ неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Григоріемъ Отрепьевымъ, затѣмъ изчезъ также внезапно, какъ и явился. Съ появленіемъ второго Самозванца и нашествіемъ Литовцевъ и Поляковъ, Спасскій монастырь подвергается жестокому раззоренію. Сторонникъ Василій Шуйскаго архимандритъ Герасимъ, судьба котораго тѣсно связана съ исторіей Спасскаго монастыря, принужденъ былъ бѣжать. Только окончаніе смуты и воцареніе перваго Романова дало монастырю возможность оправиться отъ раззоренія и окончательно развиться.

Эффектенъ Спасскій монастырь въ тихую лѣтнюю ночь, когда полная жизни луна привѣтливо разсыпаетъ свои лучи на монастырскихъ крестахъ и золотитъ яблоко южной башни. Невольно поражаешься и очаровываешься видомъ этого сторожевого гиганта, который послѣ 8 часовъ вечера впуститъ тебя за монастырскую ограду не иначе, какъ по особому разрѣшенію здѣшняго начальства. Послѣ длительныхъ переговоровъ со старцемъ-привратникомъ, пережившемъ восемь настоятелей, послѣ звона ключей, лязга замковъ и скрипа калитки, можно попасть подъ мрачный безмольный сводъ башни, откуда въ свою очередь рукой подать до церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, «о двухъ шатрахъ» по выраженію монастырской описи 1660 года. Смотря на Благовѣщенскую церковь не трудно замѣтить, что стиль ея какъ то не выдержанъ и что верхъ ея не соотвѣтствуетъ общему характеру зданія; незаконченность стиля и составляетъ, пожалуй, интересную, бросающуюся въ глаза особенность.

Отсюда открывается вся панорама монастыря. Справа виденъ братскій двухъэтажный корпусъ, слѣва настоятельскія келіи. На сѣверъ отъ Благовѣщенской церкви стоитъ колокольня или «звонница» оригинальной архитектуры, ввидѣ продолговатой галлереи съ тремя пролетами въ верхнемъ ярусѣ, предназна-

ченными для помѣщенія колоколовъ. Колокольня-звонница псковскаго типа смѣнила теперь «московскую» «колокольню-башню», считаясь однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи нашей древней архитектуры. Такихъ стѣнообразныхъ, построенныхъ отдѣльно отъ церкви колоколенъ извѣстно всего пять: въ Новгородѣ, Ростовѣ-Ярославскомъ, и Суздалѣ по одной и въ Псковѣ двѣ. Суздальская звонница своею сѣверной стороной пристроена къ небольшой восмигранной часовой башнѣ, служившей ранѣе колокольней; надъ мѣстомъ соединенія возвышается небольшой четырехгранный шатеръ съ часовымъ колоколомъ.

На звонницѣ Спасскаго монастыря имѣется богатый красный звонъ. Самый большой колоколъ звонницы вылитъ въ 1691 году и вѣситъ 566 пудовъ. Другой колоколъ «поліелейный» вѣсомъ въ 355 пудовъ, какъ видно изъ надписи, слитъ коштомъ Демида Черемисинова въ 1599 году, а затѣмъ неоднократно переливался. Куранты звонницы переживаютъ третье столѣтіе. Въ описи 1660 г. записано: «Въ часовой полатке часы большіе съ четвертями, а у нихъ колоколъ боевой, да четыре колокола четвертныхъ». Старый механизмъ курантовъ усталъ и ослабъ. Зубья машины выпали, валы поистерлись, и лишь періодическая починка возвращаетъ на время курантамъ мелодичные, бархатные звуки.

Далѣе, къ сѣверу рисуется величественный, издали кажущійся семиглавымъ, Спасо-Преображенскій Соборъ. Передѣлываясь и перестраиваясь неоднократно, соборъ въ настоящее время является типичнымъ примѣромъ древнихъ соборовъ Владиміро-Суздальской области XII—XIII вѣковъ. Это—четыреугольникъ съ тремя алтарными полуокружіями на восточной сторонѣ и четырьмя внутренними столбами. Слѣды вліянія XII—XIII вѣковъ сохранились въ наружной отдѣлкѣ стѣнъ, раздѣленныхъ полуколонками на три части и сведенныхъ арками. Однако въ деталяхъ разработки архитектурныхъ украшеній въ общемъ видѣ Спасскаго соборнаго храма чувствуется, что это только подражаніе старинымъ образцамъ, а не точное ихъ воспроизведеніе. Надъ храмомъ возвышаются пять главъ луковичной формы на массивныхъ трибунахъ.

Наружныя стѣны Собора лишены всякихъ скульптурныхъ украшеній, мѣсто которыхъ занимаютъ большія растянутыя картины, размѣщенныя въ аркахъ южной и западной стѣны и между колоннъ церкви и датированныя концомъ XVII вѣка. Порталы входовъ, въ особенности порталъ южныхъ дверей, монтированы видѣ старинныхъ арокъ съ замѣчательными, перехваченными бусинами колонками.

Что касается до внутреннихъ украшеній храма, то за время его долголѣтняго существованія, они успѣли существеннымъ об-

Колокольня Спасского монастыря.

Образъ Нерукотвореннаго Спаса въ Богородице-Рождественскомъ соборѣ.

разомъ измѣниться. По описи 1660 года въ соборѣ былъ высокій въ нѣсколько ярусовъ иконостасъ съ «пророками и праотцами», царскія двери, сѣнь и столбы были «рѣзь на деревѣ золочены красками»; надъ престоломъ въ алтарѣ было «небо въ столбцахъ деревянныхъ рѣзныхъ, а въ небѣ образъ Спасовъ Нерукотворенный, да Пречистыя Богородицы воплощеніе, да Святители». Стѣнная живопись была сдѣлана альфреско по сырому грунту. Масса иконъ въ дорогихъ окладахъ блистали драгоцѣнными каменьями и изящными пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ.

Немного этихъ украшеній первой половины XVII вѣка уцѣлѣло до настоящаго времени. Реставрація 1877 года испортила и сильно видоизмѣнила нѣкогда обоятельную стѣнопись. Нѣжныя ласкающія взоръ краски XVII вѣка замѣнились крикливыми красками палеховцевъ и холуяпъ, при чемъ самые сюжеты изображеній трактованы въ согласіи съ пониманіемъ новѣйшихъ художниковъ Изъ всей стѣнной росписи можно еще отмѣтить изображеніе Господа-Саваоѳа на херувимахъ среди облаковъ съ Отрокомъ Спасителемъ въ рукахъ, помѣщенное въ куполѣ храма, пониже изображенія Св. Духа. На парусахъ сводовъ тщательно, напоминая скорѣе олеографію, чѣмъ художественное изображеніе, нарисованы Евангелисты и Спасъ-Благое молчаніе.

Современный иконостасъ собора въ общемъ напоминаетъ иконостасъ XVII вѣка. Въ его пяти ярусахъ трудно найти что либо интересное. Съ усиліемъ отыскиваешь, наконецъ, икону Богоматери съ Богомладенцемъ или икону Входа Господня въ Іерусалимъ. Съ удовольствіемъ останавливаешься на прелестной иконѣ XVII вѣка Владимірской Богоматри съ Акафистомъ, въ чеканномъ окладѣ, со сканными оплечьями, къ сожалѣнію тронутой уже позднѣйшей реставраціей.

Въ соборѣ двѣ чудотворныхъ иконы. Первая изъ нихъ «Умиленіе» или икона Пресвятой Богородицы называемая также «корсунской» относится къ концу XVI вѣка. Вся окрестность Суздаля питаетъ къ иконѣ чувство глубочайшаго уваженія, прибѣгая къ «Корсунской» въ трудныя минуты жизни. Масса драгоцѣнныхъ камней, добровольныхъ приношеній горожанъ суздальской округи, которыми буквально усыпана риза Богоматери, эффектно выдѣляютъ темный, строгій ликъ иконы. Происхожденіе ея неизвѣстно; манера письма сближаетъ ее съ греческими подлинниками, а народная молва указываетъ на происхожденіе иконы изъ города Корсуни. Описаніе «Умиленія» въ описи 1660 г. занимаетъ три страницы и изъ него мы узнаемъ, что икона была «приложена» въ 1590 году думнымъ дворяниномъ Грознаго Д. И. Черемисиновымъ, выкупленнымъ изъ плѣна Стефана Баторія въ 1583 году за 4457 рублей. Опись подробно останавливается на

всѣхъ драгоцѣнностяхъ, вѣнцахъ и ризахъ иконы, не забывая упомянуть и двѣ пелены повседневную и праздничную «шитую золотомъ волоченымъ и сканымъ жемчугомъ». Конечно многаго изъ того, что упоминается въ описи въ настоящее время не сохранилось, многое древнее замѣнено новымъ, но несмотря на это Корсунская икона Пресвятой Богородицы оставляетъ сильное впечатлѣніе.

Другая древняя и чтимая икона Владимірской Божьей Матери также вызвала въ свое время не мало споровъ о своемъ происхожденіи. Всматриваясь ближе въ изящную ювелирную и сканную работу оклада, очаровываясь поразительной игрой золота, самоцвѣтныхъ камней и жемчуга, невольно дивишься знанію и терпѣнію древнихъ мастеровъ, сочетавшихъ въ себѣ технику и пониманіе стиля съ чѣмъ то обоятельно красивымъ.

Личность князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ настоящее время достаточно освѣщена исторіей и крупная фигура вождя нижегородскаго ополченія теперь уже доступна пониманію каждаго.

Владиміръ по происхожденію, князь оставался таковымъ до своей смерти. Уже съ половины XVI столѣтія князья Пожарскіе начинаютъ оказывать суздальскому Спасо-Евфиміевому монастырю свое особое благоволеніе, обычной формой котораго какъ мы указывали, явились щедрыя жертвы «ради наслѣдія вѣчныхъ благъ и въ вѣчный поминокъ».

Князь Дмитрій Михайловичъ скончался въ 1642 году. О мѣстѣ его погребенія не сохранилось никакихъ прямыхъ указаній, существовало лишь предположеніе, что «полатка» т.-е. общая усыпальница князей Пожарскихъ находилась въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Вопросъ о мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго возникаетъ и становится предметомъ изслѣдованія уже въ XIX вѣкѣ и сначала робко и неувѣренно начинаетъ разрѣшаться въ пользу Спасскаго монастыря. Подобная мысль, была высказана, напримѣръ, въ 1817 году А. Ф. Малиновскимъ въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о князѣ Д. М. Пожарскомъ, поднесенныхъ Александру I по случаю открытія памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ. Къ тому же склонялся и Погодинъ. Дѣло розыска гробницы Д. М. Пожарскаго въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было передано графу А. С. Уварову, который и напалъ по нѣкоторымъ даннымъ близъ алтаря Преображенскаго Собора фундаментъ бывшей «полатки» князей Пожарскихъ. Не полагаясь, однако, на свои силы, графъ съ цѣлой комиссіей сне-

ціалистъ въ сталъ продолжать свои розыски, пока наконецъ не натолкнулся на гробницу, гдѣ по предположенію былъ погребенъ кн. Пожарскій. Вскрытіе гробницы происходило 22 февраля 1852 года. Протоколъ вскрытія не далъ прямыхъ указаній и вопросъ о мѣстѣ погребенія долженъ былъ рѣшаться путемъ косвенныхъ соображеній и доказательствъ. Комиссія, однако, не сомнѣвалась въ правильности своихъ выводовъ; могила была засыпана и надъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія кн. Пожарскаго былъ поставленъ небольшой столбикъ съ надписью: «Здѣсь лежитъ князь Д. М. Пожарскій».

Въ настоящее время здѣсь возвышается изящный памятникъ изъ бѣлаго италіанскаго мрамора въ стилѣ надгробныхъ палатокъ XVII вѣка, сооруженный по проэкту академика Горностаева. Входъ съ восточной стороны закрытъ тяжелой бронзовой дверью художественной работы съ рельефными изображеніями Минина и Пожарскаго. На верхней части двери представленъ торжественный моментъ призванія кн. Пожарскаго. Князь, устремившій свой взоръ вдаль имѣетъ на головѣ шлемъ, на груди панцырь; въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ, лѣвая сжимаетъ руку смотрящаго на него Минина. Дородная фигура князя, какъ бы воплощаетъ въ себѣ величіе и мощь русскаго народа, а скорбное выраженіе лица Минина очевидно символизируетъ ту чашу горестей и страданій, которую по волѣ исторической судьбы мужественно выпили русскіе люди на зарѣ XVII столѣтія. У ногъ обоихъ героевъ разсыпаны приношенія россіянъ: деньги, блюдечки, кресты, всѣ тѣ богатства, которыя принесли на алтарь отечества наши патріоты 1611—1612 годовъ въ отвѣтъ на пламенный призывъ Минина.

Нижняя часть двери передаетъ моментъ битвы Пожарскаго на Срѣтенкѣ 19 марта 1611 года, въ которой онъ былъ раненъ. Изнемогающій отъ ранъ князь поддерживается двумя воинами; лѣвой рукой онъ указываетъ на врага; близъ раненаго князя изображенъ монахъ съ крестомъ, а впереди его направо два воина, везущіе пушку.

По краямъ двери написаны знаменательныя слова князя въ отвѣтъ на призывъ Минина, а на наружныхъ стѣнахъ славянскими буквами изложено сказаніе о подвигахъ Пожарскаго, взятое изъ лѣтописи о мятежахъ.

Слѣдуя обычаямъ старины, цари, великіе князья и бояре дѣлали богатые вклады въ монастырскую ризницу. Опись XVII вѣка подтверждаетъ наличіе массы разнообразныхъ предметовъ: напрестольныхъ крестовъ, Евангелій, кадилъ, митръ, серебряной

посуды, приложенныхъ Грознымъ, княземъ Пожарскимъ, Нагтевымъ и т. д. Время и усердіе нѣкоторыхъ лицъ уничтожили всѣ эти богатства. Не сохранилось также и множества фелоней, эпитрахилей, орарей и поручей осыпанныхъ по бархату и парчѣ крупнымъ жемчугомъ. Указанія на эти сокровища существовали еще въ началѣ XVIII столѣтія, а затѣмъ часть жемчуга въ количествѣ 11 фунтовъ 45 золотниковъ была продана съ разрѣшенія синода за 9000 рублей.

Изъ сохранившихся до насъ предметовъ старины въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ несомнѣнный интересъ представляетъ лампада князя Н. Н. Шуйскаго 1622 года. Сама внѣшняя форма лампады, стройная точеная ножка и круглый оловянный поддонъ говорятъ о не русскомъ ея происхожденіи, а орнаментація внѣшняго края чаши прямо указываетъ на Востокъ, гдѣ василиски и мелкій путанный рисунокъ составляютъ главный мотивъ національнаго орнамента. На четырехъ клеймахъ лампады надпись: «Лѣта 7130 (1622) мѣсяца апрѣля въ 20 день сдѣлана бысть сія лампада во градъ Суждаль въ Пречистую и Великую обитель Боголѣпнаго Преображенія Господа Іисуса Христа повелѣніемъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго».

Перелистаемъ Евангеліе кн. Пожарскаго, одно изъ двухъ стоящихъ безусловнаго вниманія евангелій Спасскаго монастыря. Евангеліе большого размѣра, датировано 1615 годомъ въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями и низаннымъ жемчугомъ. Евангеліе написано красивымъ полууставомъ, содержитъ рядъ превосходно исполненныхъ миніатюръ евангелистовъ, а начало, начальныя слова и на поляхъ каймы и точки писаны по выраженію лѣтописи «творенымъ золотомъ». Въ концѣ Евангелія имѣется слѣдующая собственноручная подпись князя Д. М. Пожарскаго: «Лѣта 1623 года октября въ 14 день при державѣ великова Государя Михаила Феодоровича всея русіи царства ево влѣта при архимандритѣ Митрофанѣ далъ бояринъ князь Димитрей Михайловичъ Пожарскій съ матерію своею сію книгу глаголемую святое Евангеліе».

Другое Евангеліе 1689 года поражаетъ своею грандіозностью и своимъ вѣсомъ. Написано оно въ листъ на александрійской бумагѣ на 620 страницахъ и вѣситъ 1 пудъ 26 фунтовъ.

Долго и внимательно надо изучать остатки нѣкогда богатѣйшей ризницы Спасскаго Монастыря. Въ краткомъ перечнѣ нѣтъ возможности подробно остановиться на многочисленныхъ потирахъ, удивительномъ по работѣ наперстномъ крестѣ 1588 года суздальскаго епископа Іова, дарохранительницѣ Феодора Алексѣевича или ладоницѣ 1568 года, нѣтъ силъ описать и много другихъ интересныхъ памятниковъ старины. Но и при бѣломъ

Покровскій женскій монастырь.

Келліо 1603 года въ ризницѣ Покровскаго монастыря.

Старинное кресло въ Покровскомъ монастырѣ.

осмотрѣ нельзя не упомянуть о плащаницѣ, средина которой шита золотомъ, серебромъ, и разноцвѣтными шелками по червчатому атласу. Изумительно тонко и удивительно рельефно передана центральная сцена плащаницы—Положеніе во гробъ. Художникъ удачно справился со своей задачей, благополучно размѣстивъ рядъ стоящихъ и склоненныхъ фигуръ. Изъ надписи видно, что плащаница пожертвована княгиней Пожарской по «мужѣ своемъ и по душѣ своей». По концепціи рисунка къ плащаницѣ очень близки два воздуха 1605 года М. Сабурова. На меньшемъ воздухѣ агнецъ Божій на дискосѣ со склоненными надъ нимъ Ангелами, на большемъ—Знаменіе Пресвятой Богородицы.

Цѣнныя работы золотомъ и шелками заключены въ митрахъ соборной ризницы. Болѣе древняя по времени митра 1643 года является вкладомъ жены князя Д. М. Пожарскаго, княгини Ѳеодоры Андреевны. Митра обращаетъ на себя болѣе вниманія богатствомъ и роскошью отдѣлки и блескомъ жемчуга, чѣмъ высотою исполненія рисунка; этотъ недостатокъ выполняетъ другая болѣе поздняя по времени митра тобольскаго епископа Павла 1691 года, гдѣ рисунокъ вышивки и золото филигранной работы заставляетъ прямо поражаться.

Остается сказать нѣсколько словъ о пеленахъ и облаченіяхъ монастырской ризницы. Изъ древнихъ облаченій интересны тѣ, которыя такъ или иначе связаны съ именемъ князя Пожарскаго. Сюда относятся риза малиноваго бархата, оплечье, шитое золотомъ по персидскому бархату, съ вышитымъ вверху образомъ Спасителя и двѣ эпитрахили, съ поразительными по красотѣ надписями. Червчатый атласъ двухъ сохранившихся старыхъ пеленъ передаетъ изображенія Ефимія, надъ которымъ Эммануилъ.

Библіотека Спасо-Евфиміева монастыря въ XVII столѣтіи была довольно содержательна. Въ составъ ея, входили не только книги церковно-богослужебныя, но и книги учительнаго характера, для назидательнаго чтенія. Большая часть книжнаго собранія являлась рукописями; изъ 157 рукописей, значившихся въ описи 1722 года многія «за вѣтхостью» были исключены, а многія даже проданы на макулатуру за баснословно дешевую цѣну. «Отечникъ» напримѣръ, пошелъ за 15 рублей, а «Миротворный Кругъ на большой бумагѣ въ восемь тысящъ листовъ» — за 20 рублей. Естественно что при такомъ отношеніи къ дѣлу до насъ дошло немного рукописей, изслѣдованныхъ и изданныхъ къ счастью для современниковъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ.

Реформы Петра Великаго въ связи съ преобразованіями русской государственной и общественной жизни, существеннымъ образомъ измѣнили и положеніе монастырей въ Россіи. Мона-

стыри со всѣмъ имуществомъ призываются на службу государству, лишаются своего привиллегированнаго положенія, и свободнаго распоряженія своими вотчинами; внутренняя монастырская жизнь подчиняется строгому режиму. Новыя неблагопріятныя условія монастырскаго существованія привели къ тому, что въ Спасскомъ монастырѣ появляются разнаго рода «вѣтхости», уменьшается число монашествующихъ и убываетъ населеніе монастырскихъ вотчинъ. Съ другой стороны статистическія данныя даютъ разительную картину появленія среди монаховъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Сохранились указанія, что въ 1732 году годовое содержаніе жившихъ въ монастырѣ 42 офицеровъ и нижнихъ чиновъ «составляло 450 руб. да натурой 159 четвертей хлѣба».

Къ этому, приблизительно, времени относится постройка одноэтажнаго корпуса, сыгравшаго впослѣдствіи печальную роль въ исторіи Спасскаго монастыря и получившаго широкую извѣстность далеко за предѣлами Суздаля. Мы имѣемъ въ виду знаменитую «тюрьму безумствующихъ колодниковъ», строителемъ которой явился архимандритъ Питиримъ Фамицевъ. Сначала сюда приказомъ синода была водворена вновь учрежденная суздальская семинарія и присланъ для занятій изъ Кіева іеромонахъ Іустинъ Илляшевичъ. 16 апрѣля 1740 года онъ началъ здѣсь свои занятія; впрочемъ они были непродолжительны и въ началѣ февраля 1744 года мы видимъ Илляшевича, оставившимъ суздальскую семинарію и удалившимся «на обѣщаніе». Состояніе этой суздальской «примѣрной» школы рисуетъ докладъ казеннаго приказа. До «пиитики», говорится въ приказѣ, дошло лишь семь семинаристовъ; въ синтаксисѣ за четыре года существованія школы обучалось четыре человѣка, «инфиму» учило трое, «фару» четверо, а десять семинаристовъ готовились лишь приняться за букварь. Набранные противъ воли своей и родительской, ученики оставляли семинарію не достигнувъ высшихъ классовъ. Изъ 18 выбывшихъ—девять уволено къ родителямъ «за непонятливость», шесть бѣжали самовольно и не были розысканы, одинъ «за скорбью» отпущенъ въ домъ отца и наконецъ одинъ изгнанъ «за нѣкоторымъ подозрѣніемъ».

Занятія семинаріи, прерванные на 11 лѣтъ, открылись затѣмъ въ суздальскомъ архіерейскомъ домѣ.

Покровскій женскій монастырь.

Живописно раскинулся на окраинѣ Суздаля Покровскій монастырь; красиво блестятъ на яркомъ солнцѣ его купола и главы;

Старинное евангеліе въ ризницѣ Покровскаго монастыря.

сѣдой стариной вѣетъ отъ его построекъ и странными кажутся онѣ на фонѣ современной городской жизни.

Монастырь основанъ въ 1364 году стараніями суздальскаго князя Андрея Константиновича. Поводомъ къ построенію монастыря послужило чудесное спасеніе князя, едва не погибшаго во время бури на Волгѣ. Давши обѣтъ Богу за свое спасеніе построить монастырь, князь обратился къ суздальскому епископу Іоанну и преподобному Евфимію съ просьбой указать мѣсто для постройки, которое и было избрано на правомъ берегу рѣки Каменки. Мѣсто, предназначенное для монастыря было обнесено оградой и была построена деревянная церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ 1518 году послѣ посѣщенія Покровскаго монастыря великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и его супругой Соломоніей, по приказу его, вмѣсто деревянной церкви была построена каменная, сохранившаяся до настоящаго времени. Нѣсколько позднѣе были заложены и двѣ другія церкви монастыря Зачатьевская и церковь во имя Происхожденія Креста Господня, устроенная на мѣстѣ небольшой кельи заточенной сюда великой княгини Соломоніи.

Суздальскій Покровскій монастырь съ первыхъ лѣтъ своего существованія пользовался особымъ покровительствомъ мѣстныхъ князей и боярства. Своимъ благоустройствомъ и благочестивой жизнью подвизавшихся въ немъ монахинь, монастырь славился далеко за предѣлами суздальской области. Въ половинѣ XVI вѣка Покровскій монастырь пріобрѣтаетъ большую извѣстность съ того времени, какъ великій князь Василій III отправилъ сюда для заточенія и постриженія въ монахини свою первую жену Соломонію Юрьевну Сабурову. Іоаннъ Грозный дважды посѣтилъ Покровскій монастырь. Отправляясь въ Казань, Грозный слушалъ здѣсь напутственный молебенъ и монастырское преданіе говоритъ, что игуменья Василиса предрекла ему быть царемъ казанскимъ. По примѣру своего отца, Грозный заточилъ затѣмъ въ 1576 году въ Покровскомъ монастырѣ послѣ четырехлѣтняго брака четвёртую свою жену Анну Колтовскую, умершую здѣсь и здѣсь же погребенную.

Изъ историческихъ событій XVII вѣка, суздальскій лѣтописецъ отмѣчаетъ заточеніе въ 1610 году царицы Маріи Петровны, жены В. И. Шуйскаго послѣ свержения его съ престола, нашествіе Лисовскаго и уже въ концѣ столѣтія насильственное постриженіе въ Покровскомъ монастырѣ первой супруги Петра Великаго—Евдокіи Феодоровны Лопухиной.

Кромѣ упомянутыхъ царицъ въ Покровскомъ монастырѣ еще погребены: супруга царевича Іоанна Іоанновича, инокиня Александра и дочь Василія Шуйскаго, царевна Анастасія. Всего

подъ спудомъ соборной Покровской церкви сохранилось 27 историческихъ гробницъ. Здѣсь имѣются гробницы представительницъ княжескихъ и боярскихъ родовъ: Полоцкихъ, нагихъ. Скопиныхъ-Шуйскихъ, Черкасскихъ, Кислыхъ, Ногтевыхъ, Бѣльскихъ и многихъ другихъ, проливщихъ здѣсь столько слезъ и вынесшихъ столько томленій и страданій. Нѣкоторыя изъ нихъ были пострижены насильно, другія искали въ стѣнахъ обители мирнаго убѣжища отъ ужасовъ своего времени!..

Всѣ храмы Покровскаго монастыря сохранились почти въ своемъ первоначальномъ не перестроенномъ и не искаженномъ видѣ, и слѣдовательно являются цѣннѣйшими памятниками суздальской архитектуры XVI вѣка.

Покровская соборная церковь внутри представляетъ изъ себя квадратъ съ четырьмя поддерживающими куполъ столбами и тремя алтарными абсидами. Три двери, ведущія въ церковь сдѣланы ввидѣ романскихъ порталовъ, и украшены пятью парами полуколонокъ, стянутыхъ сверху. Горизонтальный поясъ изъ небольшихъ висячихъ полуколонокъ, какъ и вездѣ, отличаетъ Владиміро-Суздальскую архитектуру. Одна изъ трехъ главъ, увѣнчивающихъ Покровскую церковь, покоится на трибунѣ, двѣ остальныя поставлены надъ малыми абсидами въ восточной стѣнѣ храма. Колокольня, съ Покровской церковью соединенная галлереею, представляетъ собой восмигранный столбъ съ шатровымъ верхомъ въ стилѣ московской архитектуры XVI вѣка.

Покровскій монастырь, несмотря на пожаръ 1650 года, въ которомъ погибло много церковной утвари, является богатѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ музеемъ предметовъ церковной старины, заслуживающимъ самаго тщательнаго изученія. Собраніе это образовалось прежде всего изъ тѣхъ вкладовъ и пожертвованій, которыя щедрою рукою сыпались въ обитель со стороны московскихъ государей XVI и XVII вѣковъ. Кромѣ того массы низанныхъ жемчугомъ иконъ, воздуховъ и убрусовъ безмолвно свидѣтельствуютъ о трудолюбіи монахинь и погребенныхъ здѣсь знатныхъ инокинь. Трудно перечесть все художественное наслѣдіе прошлаго, въ особенности если вспомнить, что одна опись Покровскаго женскаго монастыря 1651 года, опубликованная В. Т. Георгіевскимъ, занимаетъ 71 страницу мелкой печати [1].

Изъ достопримѣчательностей монастыря, кромѣ иконостаса соборной церкви великолѣпной работы XVII вѣка, въ настоящее

[1] В. Т. Георгіевскій—„Опись Покровскаго Женскаго монастыря въ Суздалѣ 7159 (1651) года". Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи, книга V, Владиміръ, 1903 г.

время можно отмѣтить прежде всего замѣчательную икону Спасителя, датированную 1686 годомъ; надпись внизу иконы перечисляетъ поименно всѣхъ мастеровъ, которые, какъ послѣдователи художественной школы Симона Ушакова, писали эту и другія соборныя иконы: «Лѣто 7194 писанъ сей образъ Господа Вседержителя, съ нимъ же и прочіе образы, деисусы, мѣстныя царскія двери въ Суждалѣ Покровскій дѣвичій монастырь, въ соборную церковь... Писали Артемій Кутанецъ, Іоаннъ Рефуситскій, Флоръ Луховляинъ съ прочими. При семъ нашихъ трудѣхъ, молимъ о Господѣ Васъ зрящіе святые сіи образы и просимъ, да помянутъ во святыхъ Вашихъ молитвахъ о насъ, недостойныхъ, о отпущеніи грѣховъ».

По идеѣ красивъ образъ Пресвятой Богородицы по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Пресвятая Дѣва изображена согласно легенды сидящей на престолѣ съ Предвѣчнымъ младенцемъ въ рукахъ и принимающей свой башмачекъ изъ рукъ бѣдняка.

Изъ иконъ XVI и XVII столѣтій, кромѣ иконы Іоанна Богослова и Николая Чудотворца, отмѣтимъ Грузинскую икону Божьей Матери, приложенную Грознымъ въ 1552 году на возвратномъ пути изъ Казани. На иконѣ жемчужное ожерелье замѣчательно тонкой и интересной работы, даръ второй супруги Грознаго и дочери черкесскаго князя Темрюка, царицы Маріи Темрюковны. Іоаннъ Грозный позаботился лично объ украшеніи иконы золотомъ и драгоцѣнными камнями, приложивъ въ видѣ особой милости золотыя съ жемчугомъ казанскія серьги и золотой булатный перстень.

По срединѣ Покровской церкви помѣщено большое мѣдное «о четырехъ ярусахъ» паникадило съ недѣшевымъ внизу строфокамиловымъ яйцомъ. Это даръ князя Александра Ивановича Шуйскаго. Надпись внизу паникадила заканчивается словами: «А хто захочетъ сіе паникадило занести или продати или заложити, того судитъ Богъ на второмъ пришествіи».

Въ богатой монастырской ризницѣ Покровской церкви еще недавно можно было насчитать 55 иконъ XV, XVI и XVII вѣковъ. Наиболѣе интересныя изъ нихъ по времени и любопытныя по сюжету и композиціи рисунка перенесены въ настоящее время въ Петроградскій музей императора Александра III. Двѣ изъ нихъ, иконы Рождества Богородицы и Введенія во храмъ по своей композиціи и этнографическимъ подробностямъ заслуживаютъ особаго вниманія. Здѣсь, судя по краскамъ и мелкимъ подробностямъ картины, видѣнъ крупный художникъ, сумѣвшій придать изображаемымъ имъ персонажамъ естественность позы, правильную перспективу и извѣстную живость. Авторъ иконы не чуждъ былъ дыханія востока. По крайней мѣрѣ въ восточ-

номъ духѣ исполнены, напримѣръ, головныя повязки на бабѣ Саломеѣ въ иконѣ Рождества Богородицы и на дѣвицахъ, сопровождающихъ Богоматерь—въ иконѣ Введенія во храмъ.

На многихъ иконахъ сохранились имена ихъ собственниковъ. Таковы двѣ иконы князя Шуйскаго, одна княгини Агрипины Ромодановской; одна приложена по княгинѣ Александрѣ и по матери ея княгинѣ Марфѣ и т. д.

Водосвятная чаша конца XVI столѣтія и чеканное кадило 1603 года справедливо считаются перлами русскаго золотого и серебрянаго дѣла XVI и XVII вѣковъ. По краю серебряной 12 фунтовой съ рѣзнымъ изображеніемъ Богоявленія чаши тянется крупная славянская вязевая надпись: «Лѣта 7105 (1597) далъ сію чашу князь Дмитрій Іоанновичъ Шуйскій въ Суздаль къ Покрову Пресвятой Богородицы въ монастырь по матери своей княгинѣ Марфѣ Феодоровнѣ зато пожаловали поминали какъ Богъ Вамъ поможетъ сея чаши изъ монастыря не отдати никому». Кадило ввидѣ одноглаваго храма на невысокой ножкѣ покрыто рельефнымъ травнымъ орнаментомъ западнаго характера. Изящно изогнутыя вѣтки его, какъ бы нарочно созданы съ цѣлью оттѣнить лишенный украшенія верхъ кадила и небольшія его оконца древней формы.

Жемчужные воздухи, по атласу и бархату шитые золотомъ, серебромъ и шелками—отдѣльная красивая страница изъ исторіи русской вышивки XVI вѣка. Цѣлый рядъ тканей: золотой алтабасъ, камка простая, камка кизилбашская, бархатъ рытый и двоеморхій разнообразныхъ цвѣтовъ и различной сохранности проходятъ передъ глазами и даютъ полную возможность по даннымъ образцамъ изучить всѣ выдающіяся техники древне-русскаго шитья: пряденымъ и волоченымъ золотомъ, золотою и серебряной канителью шовомъ простымъ, высокимъ и бронированнымъ, копытечкомъ, въ денежку и т. д. Наконецъ въ вышивкѣ русская орнаментація отличилась въ полной своей мѣрѣ. Среди различныхъ орнаментовъ и стилизованныхъ украшеній, изъ которыхъ нѣкоторыя обнаруживаютъ несомнѣнныя западныя и восточныя заимствованія, преобладающимъ является орнаментъ «теремками» и «фигурными столбиками». Еще двѣ, три орнаментныхъ формы, нѣсколько разбросанныхъ букетиковъ—вотъ въ сущности тотъ скромный художественный багажъ, который достался въ удѣлъ нашимъ рукодѣльнымъ труженицамъ. Ихъ вѣрными союзниками въ работѣ были колоссальная усидчивость терпѣніе и необычайно развитой художественный вкусъ. Трудно оживить ткань, но еще труднѣе заставить ее говорить языкомъ красокъ образовъ и формъ. Однако въ работахъ русской рукодѣльницы все это достигнуто.

Соборъ Александра Невскаго (бывшій монастырь).

Церковь св. Троицы.

Нѣсколько поблекшій отъ времени зеленый атласъ плащаницы XVI вѣка оживленъ золотой, серебряной и жемчужной вышивкой. Сколько простоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько экспрессіи въ лежащемъ Спасителѣ съ безпомощно опущенными руками. Его худое, обнаженное тѣло ничѣмъ не прикрыто; оно стройно и правильно со стороны анатоміи. Скорбныя фигуры Богоматери и нѣсколькихъ святыхъ только выгорѣли отъ времени, такъ какъ золото потускнѣло, а зеленый цвѣтъ ткани сталъ болѣе мягкимъ.

Сохранился и замѣчательный по работѣ надгробный покровъ на гробницу Соломоніи, гдѣ вышивка сдѣлана золотомъ и серебромъ по черному бархату и гдѣ большія рѣзныя серебряныя гробницы создаютъ удивительное настроеніе. Очень простая, лишенная орнамента вышивка покрова, имѣетъ очевидной цѣлью напомнить объ ожидающемъ всѣхъ насъ лучшемъ мірѣ. Изъ надписи видно, что этотъ покровъ сдѣланъ повелѣніемъ царя Ѳеодора Ивановича въ 1594 году.

Настроеніе интимности, навѣваемое безконечными вышивками и пеленами Покровскаго монастыря, смѣняется удивленіемъ, когда мы доходимъ до прекрасной, единственной въ своемъ родѣ коллекціи древнихъ панагій. Не хочется думать о времени ихъ происхожденія, или разбираться въ сложныхъ правилахъ рѣзчицкой техники. Трудно оторвать глазъ отъ этихъ небольшихъ предметовъ, одинаково интересныхъ какъ художнику, такъ и простому туристу наблюдателю.

Всѣ панагіи Покровскаго монастыря могутъ быть датированы не позже XVII вѣка и таковыхъ большинство. Разнообразіе внѣшнихъ формъ, богатство украшеній, и пестрые переливы камней и финифти сами собой говорятъ за XVII столѣтіе, тогда какъ большая скромность и рафинированная техника, наоборотъ, служатъ характернымъ показателемъ предыдущаго вѣка. Изучая панагіи Покровскаго монастыря убѣждаешься, что древніе русскіе ювелиры въ совершенствѣ знали свое ремесло. Легко оперировали они съ различными драгоцѣнными матеріалами и изъ подъ ихъ опытныхъ пальцевъ выходили изображенія то на красномъ «червчатомъ» рубинѣ, то на желтомъ топазѣ или синемъ сапфирѣ. Придавая своимъ издѣліямъ различныя формы то круглыя и восмигранныя, то четыреугольныя или овальныя, они оправляли панагіи въ золото и серебро и украшали ихъ то чернью, то разноцвѣтной эмалью. Встрѣчаются также панагіи, рѣзанныя на яшмѣ, янтарѣ кораллѣ и ониксѣ.

Покровскій монастырь, взятый въ цѣломъ, еще ждетъ своего изслѣдователя и не легка будетъ его задача. Архивныя записи XV, XVI, и части XVII столѣтія безвозвратно погибли во время

пресловутаго пожара 1650 года. Позднѣйшихъ записей сохранилось не много, а новыя не представляютъ никакого интереса. Такимъ образомъ въ руки изслѣдователя попадаетъ сырой фактическій матеріалъ, требующій прежде всего извѣстной классификаціи, потомъ точной датировки, а затѣмъ уже детальнаго изученія. Не малую трудность въ иныхъ случаяхъ представитъ и розысканіе нужнаго матеріала. Такъ. напримѣръ, дѣло обстоитъ съ многочисленными надгробіями, XVI и XVII столѣтій, разбросанными подъ соборной церковью, лѣстницей и колокольней. И если упорный трудъ работника превзойдетъ все и дѣло его увѣнчается успѣхомъ, онъ можетъ смѣло сказать: «Я сдѣлалъ все, что могъ;—пусть другіе сдѣлаютъ большее».

Заключеніе.

«Вѣка бѣгутъ... вѣка!

Въ этомъ торопливомъ бѣгѣ вѣковъ, стирающемъ одни воспоминанія прошедшей жизни и бережно хранящемъ другія, есть высшая справедливость, высшая мудрость!

Суздаль—это энциклопедія древне-русскаго быта, яркая иллюстрація былой жизни русскаго человѣка. Въ обиходѣ минувшаго многое было чрезвычайно красивымъ, и теперь мы, измученные, усталые въ шумихѣ современности, въ сумятицѣ жизни большихъ городовъ, звенящихъ трамваевъ и гудящихъ автомобилей, стараемся собрать крохи того красиваго и отдохнуть, любуясь ими и вспоминая о томъ, что никогда не вернется.

Угасающая жизнь Суздаля наложила особый отпечатокъ на всѣхъ его обывателей; суздальцы не считаютъ прошлые вѣка чужими и умѣютъ хранить свою старину. Бѣгло разсмотрѣвъ ея памятники, мы присмотрѣлись къ тѣмъ силуэтамъ минувшаго, что сохранили намъ монастыри и церкви, и что осталось отъ безмятежной тишины старыхъ церквей, ритмичныхъ райскихъ видѣній иконъ, бѣлой идилліи монастырскихъ стѣнъ и торжественныхъ словъ старыхъ книгъ и сказаній!..

КОНЕЦЪ.